

ШЛЯПС!

Действующие лица

СОНЯ — дочь папы

ПАПА — молодой, как он считает, человек сорока трех лет, хотя ростом уже с сорокапятилетнего.

КОСТИК — друг Сони, шут, иногда гороховый

АННА СТЕПАНОВНА — директриса, вождь школы

ВОРОНА — птица, пожелавшая остаться неизвестной

СЕРЕЖА ЕРОХИН — брат Миши

МИША ЕРОХИН — брат Сережи

ВИКТОР ГЕННАДЬЕВИЧ — классный руководитель пятого «Д», человек с устойчивой психикой

ИННА — волею судеб внука директрисы

ДЕНИС — по мнению независимых экспертов, начинающий нобелевский лауреат в области литературы

РОСТИСЛАВ БОРИСОВИЧ — телепродюсер, так у него в визитке написано

А так же другие ученики пятого «Д», физрук, завхоз, школьный охранник, буфетчица, родители, учителя и представители РОНО.

— 1 —

Соня бросила взгляд на папину спину и ойкнула. Папа обернулся.

— Ничего-ничего! — замотала головой Соня. — Это я просто подумала, что портфель дома оставила.

Неподъемные учебники до школы всегда носил папа, поэтому, увидев его беспортфельную спину, Соня на секунду забыла, что сегодня портфель висит у нее за плечами. По случаю спектакля в расписании значились всего три урока, да и те были репетицией. В полегчавшем портфеле трепыхался лишь лисий хвост, нужный для роли, и перекатывалось манго.

Папа не знал, что Соня добралась до последнего манго, и мечтал, что съест его, когда вернется домой. Папа любил манго. О чем он иногда даже пел на кухне по-английски, переделав слова старого шлягера Papa Loves Mambo на Papa Loves Mango. Правда, ничего, кроме этой единственной строчки, папа не знал, поэтому его песня состояла из выкриков:

— Papa loves mango!

Та-ла! Ла-ла!

Papa loves mango!

Та-ла! Ла-ле!

Потом папа садился за стол и быстро съедал манго.

Соня несла манго, чтобы угостить Костика. Они частенько подкармливали друг друга контрабандными продуктами из дома. В школьной столовой аппетитно выглядели только развешанные по стенам яркие плакаты со всякой вкуснятиной. А вот сами столовские блюда по вкусу мало чем отличались от бумаги, на которой эта вкуснятина была нарисована. По крайней

мере, так утверждал Костик, который однажды на радость классу откусил угол от плаката с яблочным пирогом.

— Ну пока, — попрощался папа с Соней, введя ее в вестибюль школы.

Он уже хотел было развернуться и броситься домой к манящему манго, но тут папу остановил охранник:

— Вы не отнесете воду для кулера на второй этаж?

— А волшебное слово? — спросил папа.

— Директору, — сказал охранник.

— Уговорили, — вздохнул папа.

— Пойдем, пап, я тебе покажу. Ее кабинет рядом с нашим классом.

Папа подхватил бутылку и, покачиваясь, пошел за Соней.

— Вот тут она сидит, — Соня остановилась у двери с надписью «Директор». — Потом зайди к нам в класс, забери клетку от Максима. А то я всё никак ее домой не дотащу.

Максимом звали мадагаскарского свистящего таракана, которого Соня как-то принесла в школу на урок, посвященный домашним животным. Максима в тот же день съел Герман, попугай, которого притащил Костик. Папа выразил соболезнования. Но втайне был невероятно рад такому повороту событий, так как всегда боялся, что десятисантиметровый Максим в один ужасный день вырвется из своего домика на волю, спрячется где-нибудь в квартире, а потом неожиданно выпрыгнет на папу из-за угла.

Папа постучался, дверь тут же распахнулась, и мимо него протиснулась директриса Анна Степановна.

— Вы ко мне? — бросила она на ходу и, не дожидаясь папиного объяснения, распорядилась: — Проходите, подождите меня внутри.

— Да я, собственно... — начал папа, но Анна Степановна была уже далеко.

Папа вошел в кабинет и огляделся, ища кулер. Аппарата нигде не было. Папа поставил бутылку на пол и сел на один из стульев, расставленных по периметру.

В кабинете было свежо. Ветер, влетающий сквозь распахнутое окно, пузырил шторы. Прошло пять минут. Папа достал телефон и принялся кидаться птицами в свиней. От игры его отвлек шелест, который он сначала принял за шорох шторы. Папа поднял глаза и увидел живую птицу. По подоконнику прохаживалась здоровенная ворона.

— Кыш! — сказал папа.

Ворона посмотрела на него и перепорхнула на стол директрисы.

— Кыш! Пошла вон!

Ворона, не обращая внимания на грозные крики, подошла к компьютеру, стоявшему на столе, и застучала клювом по клавиатуре.

«Наверное, у нее там крошки. Директриса, как какой-нибудь нормальный человек, тоже ест за компьютером», — машинально отметил папа.

— Кыш! Кыш! — опять повторил он.

Но ворона продолжала стучать по клавишам.

Папа встал со стула и, размахивая руками, подбежал к столу.

Ворона оторвалась от своего занятия, помотала головой и снова нагло ударила клювом по клавиатуре. Папа обошел стол. Ворона каркнула и перелетела на покинутый папой стул.

На экране компьютера был раскрыт документ, над которым Анна Степановна, видимо, работала перед тем, как стремительно выйти. Папа прочитал:

«Вот уже более 30 лет наша школа гордо несет знамя знаний. Педагогический коллектив творческий и работоспособный. Особенно радуется, что нам во всех наших начинаниях помогают родители учащихся. Например, рарвд вдвооц-Овлвлул\=-у-З-вщвщвуз ак0шуш0алошаоущцу0ушй8911211111йшшэжжжвхвдол вовррараотми мтв0999шляпс».

— Шляпс, — зачем-то прочитал папа вслух.

Дверь открылась, и в кабинет вошла Анна Степановна. Папа отпрянул от компьютера и вытянул руки по швам.

— Здравсьте, — сказал он.

— Здравствуйте, — ответила директриса и так посмотрела на папу, что он попытался вжаться в стену.

— Ворона! — только и смог сказать папа в свое оправдание.

— При чем тут ворона? Что вы там делаете?

— Сюда ворона только что залетела, — папа огляделся. Вороны нигде не было. — И уже куда-то делась. Это она, а не я. Я просто воду принес. Для кулера.

Директриса подошла к столу, а папа быстро перебежал к двери, у которой стояла бутылка.

— Вот, — сказал он. — Куда ее?

Директриса, не отвечая, заглянула в экран компьютера.

— Ворона! — еще раз попытался объяснить папа.

Анна Степановна оторвалась от абракадабры, оставленной вороной, и перевела взгляд на папу.

— Шляпс?

— Это ворона напечатала! Я просто воду принес. Куда ее поставить?

— Кулер в шкафу.

— И как я не догадался! В шкляпу... Тьфу! В шкафу!

По обе стороны двери стояло по шкафу. Папа двинулся к левому.

— Нет, не в этом, — остановила его хозяйка кабинета.

Папа суетливо открыл дверцу правого и действительно обнаружил там кулер. Пока папа устанавливал бутылку, директриса, не отрываясь, следила за его неловкими действиями.

— Ну вот! Готово! До свидания!

— До свидания, — холодно попрощалась Анна Степановна.

Глупо улыбаясь, папа вышел из кабинета.

— 2 —

По пути в школу кучерявые братья Ерохины спорили, кто из них лучше гавкает.

— Гау-гау-гау! Ууу! — заливался Сережа.

— Гав-баув! Гав-баув! — заглушал брата Миша.

— Авв! Авв! Авв! — щетинился Сережа.

— Гав! Кав! Рав! Ба-ду-дух! — победно провозгласил Миша.

— Где ты слышал, чтоб собаки так гавкали?

— Во дворе! Но не в нашем! В тринадцатом доме. Рядом с качелями. На прошлой неделе. В тот день еще дождь шел. Собака была породы русская сторожевая. С белым пятном на лбу.

Он еще хотел добавить, что хозяин был одет в черный плащ, держал зеленый зонтик, а собака звалась Пиратом, но сумел сдержаться. Миша давно заметил, что, чем многочисленнее подробности, тем меньше окружающие верят в достоверность его выдуманных историй.

— Собаки так не гавкают! — обиженно и убежденно сказал Сережа.

— А то ты всех собак знаешь!

— Да уж побольше твоего!

— У тебя и собаки-то никогда не было!

— А у тебя была, можно подумать!

— У меня был хомяк!

— Это был общий хомяк! И хомяки не гавкают!

— А то ты всех хомяков знаешь! — зачем-то попытался продолжить спор Миша.

Братья Ерохины были так похожи, что даже родная бабушка их часто путала. Впрочем, она давно уже всех путала: маму — с сестрой Любкой, папу — с почтальоном, приносящим пенсию, а почтальона — с грабителем, и не желала открывать ему дверь.

Виктор Геннадьевич Штомпель, учитель литературы, завуч, а еще по совместительству и руководитель театрального кружка «Тарарампа», решил, что оба Ерохина могут сыграть Артемона. «Будете друг у друга на замене, — сказал он. — А то вечно один из вас болеет».

— А если оба заболеем? — спросил Миша.

— Тогда реплики Артемона будет говорить Пьеро.

— А если и Пьеро заболеет?

— Тогда реплики Артемона и Пьеро будет говорить сама Мальвина. И не спрашивайте, что будет, если Мальвина тоже заболеет!

Как раз это Миша и хотел спросить.

Но у Сережи нашелся другой вопрос:

— А если оба не заболеем? Кто из нас будет выступать?

— Кто лучше гавкает, — сказал Виктор Геннадьевич.

«А если и Мальвина заболеет, можно поставить компьютеры, и мы будем играть по скайпу из дома!» — осенило Мишу. Эта идея ему так понравилась, что он даже решил всех чем-нибудь заразить. Но врачиха из школьного медкабинета наотрез отказалась помочь ему раздобыть пробирку с каким-нибудь не очень опасным вирусом.

Одноклассницы Инны считали, что роль Мальвины она получила по блату. Злые языки поговаривали, будто девочку с голубыми волосами Инна играет только потому, что ее бабушка — директор школы Анна Степановна. (Директриса, к слову сказать, тоже предпочитала красить свои седые волосы в голубой цвет.)

У самой Инны была другая версия.

— Мне дали роль Мальвины, потому что я Инна. Инна — Мальвина. Это рифма! — говорила она.

— Но Мальвина и Кристина тоже рифмуются, — жаловалась подружкам Кристина Попова. — Ведь рифмуются же!

— Рифмуются, — соглашались подружки. После чего все девочки поворачивались и осуждающе смотрели в затылок Инны, которая в одиночестве сидела за первой партой.

Как-то, став свидетелем очередных перешептываний об Инне, Костик Сёмушкин заметил:

— Кристина и Буратино рифмуются еще лучше. Ты должна была играть Буратино!

Кристина Попова обиделась и долго искала рифму к имени Костик, но, кроме «агностик», ничего не придумала. Что означает это слово — Кристина не знала, и потому обиделась на Костика еще больше.

Вчера Инна долго крутилась перед зеркалом, любуясь и восхищаясь своим видом в голубом парике, и даже легла в нем спать. За ночь парик сбился в продолговатый комок, и наутро казалось, будто кто-то приклеил к Инниной голове попугая.

Костик считал, что ему досталась самая дурацкая роль. Глупее Пьеро в этой пьесе был только Сверчок! Но Костик не роптал. Он знал, как завоевать расположение публики. Например, можно начать смешно шепелявить, и готово — зрители будут твои. Но на репетициях Костику, конечно, приходилось говорить противным плаксивым голосом Пьеро. Хороший комик не раскрывает свою шутку заранее.

Костику нравилось вызывать смех. Когда Виктор Геннадьевич сказал, что хорошему актеру зал аплодирует стоя, Костик пожал плечами. Подумаешь, аплодируют стоя. Лучший комплимент для комика — это когда ему аплодируют лежа. Лежа от смеха, естественно.

Прежде чем прийти к шепелявости, Костик перепробовал разные другие смешные голоса. Он даже пытался произносить реплики Пьеро с эстонским акцентом. Живого эстонца Костик никогда не встречал и заимствовал акцент из репертуара папы. (Папа иногда развлекался, изображая какого-то эстонского телеведущего, который исчез с экранов еще до рождения Костика.)

— Нет, — сказал папа, послушав эстонский вариант Пьеро. — Провинция-с, не поймут-с...

Одноклассники не совсем справедливо считали Дениса занудой. Несколько раз они даже специально делали вид, будто начинают играть в прятки, а когда Денис прятался, то не искали его, а просто расходились по своим делам.

Денис не хотел быть Буратино. Будь его воля, он не согласился бы играть даже дерево, на которое должна была намотаться борода Карабаса. (Роль дерева требовала минимальных актерских данных и заключалась в том, чтобы стоять за сосной, сделанной из тяжелой доски, и незаметно для зрителей придерживать ее двумя руками. Иначе громоздкий реквизит падал.) Нет, нет, нет. Денис пришел в театральный кружок не за этим. Он был не против того, чтобы раскланяться после спектакля под бурю аплодисментов, но не как артист, а как автор только что сыгранной пьесы.

Драматургическое наследие Дениса насчитывало уже пять пьес: «Прошлым летом в Чулане» (трагедия), «Генрих XLVIII» (трагедия на историческом материале), «Монологи Вадима» (трагический моноспектакль), «В ожидании Пихто» (трагикомедия в двух действиях) и «Последняя запеканка» (трагитрагедия). Под разными предложениями Виктор Геннадьевич отклонил постановку всех пяти.

Буратиной Денис согласился стать по трем причинам. Во-первых, Виктор Геннадьевич сказал, что, если Денис побудет в шкуре актера, он быстрее разберется, как писать пьесы.

Во-вторых, Денис надеялся, что его возьмут сценаристом на телевидение. Специально для человека из детской передачи, который должен был присутствовать на представлении, он сочинил несколько юмористических скетчей вроде тех, что показывали в программе. Легкий жанр не был свойственен Денису, но он постарался. В этот раз никто из героев не только не умирал, но даже и не получал слишком тяжелых травм.

И в-третьих — а может, даже и во-первых! — это был шанс перекинуться с Инной хоть какими-то словами. Пусть всего лишь буратинскими репликами. Вне образа деревянного человечка Денис, оказываясь наедине с Инной, деревенел и глупо молчал. А ведь как много он хотел ей сказать! Например, о том, что в каждой из своих пьес он обязательно придумывал роль специально для нее. Ну, кроме «Монологов Вадима». Хотя и там главный герой постоянно упоминал о некой И.

Денис с третьего класса вздыхал по Инне. В прошлом году на 8 Марта он даже подарил ей открытку. Правда, чтобы не выставлять напоказ свои чувства, Денис зашифровался, подарив открытки и всем остальным девочкам в классе. Он мечтал носить из школы Иннин портфель, но он бы надорвался, если бы ему пришлось тащить все девчачьи портфели пятого «Д».

Папа заглянул в Сонин класс. Он попытался вычленил из вихря носящихся детей дочь, но она сама выглянула у него из-под локтя.

— Пап, я тут!

— Давай клетку, и я пойду.

— Щас, только найду!

Папа вышел из класса и от нечего делать стал читать стенгазету «Веселая колючка». Кто-то, кажется Костик, исправил в слове «колючка» первую букву на В, а третью на Н. И, по правде говоря, это было самым веселым во всей «Веселой колючке».

Большую часть газеты занимала статья «Три версии загадочной гибели группы Дятлова». Зловещий текст был дан под рубрикой «Это интересно!». Читая хронику трагических событий, папа несколько раз поднимал глаза, чтобы проверить, действительно ли газета называется «Веселая колючка». Статья была подписана «Вадим Инин, уфолог с мировым именем», однако все в классе знали, что это псевдоним Дениса.

Правый угол газеты занимал перекошенный кроссворд «Наши любимые животные» с картинками вместо вопросов. Подавляющее большинство любимых животных автора кроссворда были вымершими. Единственное исключение составлял гусь. Он потребовался, чтобы соединить первую букву в слове «гетеродонтозавр» и последнюю в слове «птеродактиль». В окружении динозавров одинокий гусь выглядел белой вороной.

Все клеточки кроссворда оставались пусты, кроме четырех, предназначавшихся для гуся. Туда рукой Миши Ерохина был вписан ответ — «утка».

Из кабинета выскочила Соня. Клетки в ее руках не было.

— Пап, с тобой хочет поговорить Виктор Геннадич!

Не ожидая ничего хорошего, папа взял протянутый мобильник.

— Алло?

— Алексей Леонидович, — сказала трубка, — вам придется сыграть Карабаса Барабаса!

Миша был уверен, что он куда лучший пудель, чем Сережа. «Пудель от бога», — скромно отзывался о себе в третьем лице Миша, замирая перед зеркалом во время домашних репетиций. Режиссерам нужны такие артисты. Миша, правда, опасался, что он даже чересчур идеален для Артемона и потом ему вечно будут давать одни только роли собак. Он читал, что актеры сплошь и рядом становятся заложниками своего амплуа.

У Миши имелся план, как стать единственным претендентом на роль Артемона, но план был коварен. И Миша колебался. Одно дело — садануть брата пеналом по голове. И совсем другое — вывести временно из строя с помощью слабительного.

К тому же замысел был непрост в воплощении. Миша тысячу раз видел в кинокомедиях, как один герой нейтрализует другого, незаметно добавив слабительное средство в еду или питье. Но

когда Миша положил на язык кристаллик из бабушкиной аптечки, он отплевывался пять минут. По сравнению с этой гадостью даже перловая каша казалась тортом «Наполеон». А таких противных кристалликов нужно было скормить Сереже целую чайную ложку. А лучше две.

После ряда экспериментов Миша установил, что меньше всего вкус слабительного заметен в грейпфрутовом соке. Однако, чтобы горечь бабушкиного средства не чувствовалась, его следовало развести в пяти литрах цитрусового напитка. Причем перед тем, как предложить кому-то осилить данное количество полученной бурды, следовало честно предупредить жертву, что, мол, похоже, сок немного прокис.

От бессилия у Миши опускались руки, что, впрочем, не мешало ему периодически стучать брата пеналом по башке.

И все же надежда была. Например, обстоятельства могли сложиться так, что у Сережи бы разыгралась дикая жажда, и он бы накинулся на пять литров сока, который — ну а вдруг! — кто-нибудь из родителей принес для намечавшегося после спектакля угощения.

И пока для этого имелись все предпосылки. Дикая жажда уже зарождалась где-то в глубине Сережи. Чтобы направить развитие событий по нужному Мише замысловатому руслу, он не дал Сереже притронуться за завтраком к чаю. Дело оставалось за малым.

Мама Инны была учительницей литературы в школе, к счастью, в другой. Папа преподавал историю, повезло еще, что в институте. Бабушка когда-то вела уроки математики, но в последнее время, слава богу, только директорствовала. Тетя и та работала кем-то в РОНО. У Инны даже не спрашивали, хочет ли она быть учительницей, когда вырастет. Ее спрашивали, учительницей по какому предмету она хочет стать.

Быть внучкой директрисы школы, в которой учишься, — тяжелое бремя. Все вокруг ведут себя неестественно. Даже учителя не бегают при тебе по коридору. А уж ученики...

Инна пробовала приносить в класс всякие вкусности. Конфеты съедались, но, кажется, без аппетита. Инна приглашала к себе в гости. Никто не шел. Инна пыталась шутить про бабушку. Тут же воцарялась напряженная тишина. Возможно, одноклассники думали, что на Инне спрятаны микрофон и записывающее устройство и всех, кто засмеется, ждет кара.

В школе Иннину бабушку Анну Степановну очень боялись. Один третьеклассник как-то потехи ради забежал в девчачий туалет и неожиданно встретил там Ану Степану. От пережитого страха мальчик даже перестал заикаться. Врач-логопед не мог добиться этого за четыре года их занятий.

С первого класса Инна мечтала, что бабушка уйдет на пенсию, но Анна Степановна не спешила удаляться на покой. Надежда забрезжила лишь месяц назад.

— Надо давать дорогу молодым! — сказала бабушка, когда в тот день они с Инной возвращались из школы.

Их путь шел по длинной и узкой тропинке, проходившей между заборчиками палисадников. Позади Инны и Анны Степановны, спешившись с велосипедов, плелись два шестиклассника, не нашедшие в себе мужества звякнуть в звонок, чтобы директриса пропустила их вперед.

— Да! — повторила бабушка, остановившись. — Пора, пора дать дорогу молодым! Хорошо хоть, есть кому передать бразды правления. А мне пора на пенсию. Надо уступить дорогу молодым.

Бабушка замолчала.

Велосипедисты переглянулись и, развернув велосипеды, сели на них и задрезжали в обратную сторону. Анна Степановна проводила их отстраненным взглядом.

Инна переминалась с ноги на ногу, боясь сказать что-нибудь не то и отвлечь бабушку от мысли выйти на пенсию.

— Все решится в день вашего спектакля, — сказала бабушка.

И Инна поняла, что своим преемником бабуля решила сделать Виктора Геннадьевича. Она и раньше намекала, что он был бы хорошим — молодым! — директором, если бы ему хватало дисциплины.

«Значит, все зависит от того, как пройдет «Буратино». И если все пройдет без сучка без задоринки...» — от мысли, что она перестанет наконец быть внучкой директрисы, у Инны закружилась голова.

Костик надел папину белую рубашку. Длинные рукава, как и положено для костюма Пьеро, свисали ниже Костиных рук.

— М-да, — сказал папа, осмотрев Костика. — Бледное подобие Пьеро. Но недостаточно бледное. Пьеро побледнее будет.

— Ничего. У нас есть грим. Намажусь.

— Ну тогда ладно. Только не лыбься на сцене. Пьеро должен быть грустным.

На этот счет у Костика имелись свои соображения, но спорить он не стал.

— Чтобы выглядеть грустным, мне достаточно вспомнить, какие оценки у меня выходят в четверти, — сказал Костик.

— Молодца, — похвалил папа. — Иди и порви их всех!

— Тебя-то когда ждать?

— Мне еще в магазин надо забежать.

— Пап, только не надо квас твой дурацкий покупать! Не будет никто его в классе пить!

— Иногда я задумываюсь, а мой ли ты сын?!

— Об этом надо было задуматься в тот раз, когда ты забрал из садика с ёлки не меня, а Гришку.

— Вы с матерью так и будете напоминать мне об этом всю жизнь?! Это был единственный случай. Тем более он был в такой же маске, как у тебя.

— А Гришка до сих пор тебя боится.

— Бери пример с него. Отца надо бояться!

«Дорогая Инна!

Как ты знаешь, завтра у нас важный день, который важен для нас»...

«Инна, привет!

Это Денис. Но не Шамарин, а Сухоблинский. Я тот, который высокий. Для своих лет высокий, по крайней мере. Мы еще учимся с тобой в одном классе и играем в одном спектакле. Я сзади тебя сижу. И я подумал»...

«Ин, прив!»

Кароч, какой у тебя ник в скайпе?»

«Привет, Мальвина!

Это Буратино!)))))))))»

«Привет, Инна!

Это Денис Сухоблинский. Давай созвонимся по скайпу и повторим наши совместные сцены. Мой ник в скайпе — Sofokl. А у тебя какой?»

Накануне Денис целый час пытался написать письмо Инне, чтобы пригласить ее порепетировать по Интернету. Вообще-то Денис знал, какой у Инны ник в скайпе (Nepovtorimaya317), но боялся, что она спросит, откуда он его знает.

Денис писал Иннин ник и стирал, писал и стирал, пока совершенно необъяснимым образом не нажал на «Вызов».

На экране тут же возникла Анастепана.

— Извините, не туда попал! — выпалил Денис.

После чего дрожащими руками вырубил скайп, выключил компьютер и настоял, чтобы родители послали его в магазин за хлебом.

Всего полминуты назад утро папы было радужным и безоблачным: он собирался вернуться домой, съесть манго, часик побездельничать и вернуться в школу на премьеру.

— Но почему я? — спросил папа.

— Больше некому! — сказал Виктор Геннадьевич из телефона. — Вы человек культурный. Слова вам учить и не надо. Один раз пробежитесь глазами, когда будете проводить репетицию, а потом симпровизируете. Чтобы играть Карабаса, достаточно говорить страшным голосом и топтать ногами.

— Я буду проводить репетицию?

— Ну да! А кто еще? Не волнуйтесь, дети все знают. Прогоните их по тексту — и готово. Делов-то!

— А вы точно не успеете к началу?

— Еще раз объясняю. Я в Кривых Мухах. Это глухая деревня. Машина не фурычит. Если я пойду пешком до станции, все равно нужно будет до обеда ждать автобуса. Сейчас я сижу на крыше. Это единственное место, где тут ловит телефон. Не волнуйтесь. Я буду на связи. Если не упаду с крыши.

— Но я не актер! И не режиссер!

— Ой, я вас умоляю! Этого никто не заметит. Я тоже не режиссер и не актер, а веду этот кружок уже пятнадцать лет, и никто пока не заметил.

— Ну...

— Поверьте! Детям все равно, что смотреть. Они только рады, что вместо урока им показывают спектакль. А родители будут смотреть только на своих чад. Они вас даже не заметят!

— Ну не знаю...

— Бросьте, Алексей Леонидович! Не относитесь к этому так серьезно!

— Вам легко говорить!

— Ах да! Там еще будет человек из детской передачи, но вам об этом беспокоиться не нуж...

И связь оборвалась. Наверное, Виктор Геннадьевич все-таки упал с крыши.

Сереза глянул на брата, который в этот момент рисовал на доске нечто похожее на работа с пистолетами вместо рук и машинально пощупал, на месте ли ключ. У Серези тоже имелся план.

Школьная радиорубка располагалась в самом начале коридора, ведущего в актовый зал. По утрам оттуда транслировали зарядку, а по пятницам школьные новости, слушать которые было примерно так же интересно, как слушать зарядку.

Радиокружок открыли в прошлом году в пустовавшем помещении, в котором когда-то был туалет для учителей. Потом курилка для учителей. Потом, когда Анна Степановна запретила педагогическому составу курить на территории школы, курилка для учителя физкультуры. (Он отсутствовал на собрании, на котором Анна Степановна поставила крест на перекурах, и всю первую четверть дымил в одиночестве, не понимая, с чего вдруг остальные его коллеги завязали с этой вредной привычкой.) На двери рубки до сих пор висела табличка «Для служебного пользования».

Месяц назад Виктор Геннадьевич попросил Сережу сделать дубликат ключа для рубки. В мастерской в тот раз проходила какая-то акция, и Сереже вручили целых два запасных ключа. Один из них он и носил с тех пор в кармане.

Сережа был уверен, что заманить Мишу в радиорубку и запереть там на время спектакля не составит большого труда. Сережина совесть настаивала, что поступать так не очень хорошо, но с каждым ударом пеналом по голове голос совести звучал всё менее уверенно.

— 3 —

— Ну что, пап?

Папа осоловело посмотрел на Соню. Он был похож на человека, который, открыв холодильник, увидел на полке живую собаку, играющую на аккордеоне.

— Ну зашибись... — сказал наконец папа. — Зашибись...

Из класса выглянула Инна:

— Сонь, ты не видела Виктора Геннадьевича?

— Не, не видела. Зато слышала! Пап, где Виктор Геннадич?

— Далеко. Можно считать, что на Луне. Теперь я ваш новый Виктор Геннадьевич, — сказал папа. — Собирайте класс. У меня важное сообщение.

Инна шмыгнула обратно в класс.

— Пап, в каком смысле — ты новый Виктор Геннадьевич?

— В самом ужасном!

Папа встал у доски, ожидая, когда уляжется шум. Наверное, ему следовало объявить, чего именно он ждет. Пятый «Д» продолжал бурлить. В классе было только два островка спокойствия: с интересом наблюдающая за папой Соня и обеспокоенно притихшая Инна.

Папа поднял руку, призывая к вниманию. Это заметил один лишь Костик, бывавший у Сони в гостях.

— Здрасьте, дядь Лёш! — крикнул он.

— Привет, — откликнулся папа.

Он встретился глазами с Соней и развел руками. Соня ободряюще улыбнулась.

— Тишина! — неуверенно скомандовал папа.

Дома папу не слушался даже «умный» телевизор, управляемый голосом. Не получилось и тут.

Папа подождал немного, взял тряпку и начал стирать с доски Мишин рисунок.

— Мой робот-убийца! — горестно воскликнул Миша. Он даже привстал с места. — Я не успел его сфотографировать!

Папа вывел на доске большую букву Т, потом И, потом Ш... Когда он дошел до Н, класс резко угомонился. Наступил такой звенящий покой, что было слышно, как Миша, скрипя фломастером, восстанавливает в тетради свой утраченный шедевр.

Папа обернулся. В дверях кабинета стояла Анна Степановна.

Директриса оглядела класс. Когда ее взгляд добрался до папы, она заметно вздрогнула.

— А где Виктор Геннадьевич?

— Хорошо, что вы спросили! — папа почувствовал почву под ногами. — Виктор Геннадьевич сейчас...

Но тут папу перебила Инна.

— Виктор Геннадьевич в актовом зале! Он декорации проверяет! — Инна и сама не поняла, зачем соврала, но так уж ей велела поступить женская интуиция.

Это снова выбило у папы почву из-под ног, и он запнулся.

— А вы, значит, еще и в спектакле помогаете? — спросила директриса, удостоив папу внимания. — Вы из родительского комитета?

Папа кивнул, но как-то не очень уверенно. Когда в сентябре на родительском собрании выбирали представителей для комитета, папа словно перенесся в прошлое и снова почувствовал себя школьником. Он тихонько сидел за партой, надеясь, что на него не обратят внимания, и молил богов: «Только бы не меня! Только бы не меня!»

— Прекрасно! Я всегда говорила, что нужно привлекать родителей! — сказала Анна Степановна таким тоном, что казалось, будто теперь она об этом жалеет. После чего вышла из класса.

Успокаивающее действие директрисы еще работало, и папа воспользовался затишьем.

— Виктор Геннадьевич сегодня не придет. Я буду вместо него. Вопросы есть?

— А почему он не придет?

— А Карабаса вы будете играть?

— А он мне пивок обещал принести!

— А кто будет Артемоном? Я лучше гавкаю!

— Нет я!

— А почему она говорит, что он в актовом зале?

— А я деньги принес на ремонт. Кому мне их теперь отдать?

— А нас что, теперь не покажут по телевизору?

— Гав! Кав! Рав! Ба-ду-дух!

Папа сел за учительский стол и, подперев рукой голову, уставился куда-то вдаль.

— Ребята! Ребята! — Инна встала и замахала над головой своим голубым париком, чтобы ее заметили. — Ребята!

Ученики присмирели. Все-таки это была внучка директрисы. Возможно, вооруженная звукозаписывающей аппаратурой для сбора данных о нарушителях спокойствия.

— Ребята! — Инна оглядела класс. — Ребята!

— Да тут мы уже, начинай! — не выдержал Костик.

— Ребята! Если Виктор Геннадьевич не придет, его могут уволить! И нам назначат какого-нибудь другого классного руководителя!

Все загалдели.

— Успокойтесь, успокойтесь! — папа поднялся с места. — Никто его не уволит!

— Вы не знаете мою бабушку!

— Конечно, не знаю! При чем тут твоя бабушка?

— Ее бабушка — наш директор!

— Это она заходила!

— А, ясно. Но это все равно, — папа махнул рукой. — Ничего страшного не произошло. Виктор Геннадьевич застрял далеко за городом. В какой-то глухой деревне. С каждым может случиться. За это не увольняют.

— Вы не знаете мою бабушку!

— Согласен. Ты, конечно, знаешь ее лучше. Как тебя зовут?

— Инна.

— Хорошо, Инна. И что же ты предлагаешь?

— Ребята! — Инна обернулась к классу. — Давайте не будем говорить моей бабушке, что Виктор Геннадьевича нет в школе! Если она будет спрашивать, говорите, что он вышел. Или занят чем-то важным. Если мы все так будем говорить, она не догадается!

— Конечно! — закричал Денис. — Не дадим Витю в обиду!

Все опять загомонили.

— Делайте что хотите! — папа вернулся за стол.

— Ребята! Ребята! — прорвался сквозь шум голосок Инны. — До спектакля осталось всего три урока! А мы должны еще успеть прорепетировать! Сонин папа!

— Да? — встрепнулся папа.

— Давайте уже начнем!

— Я не против. Э-э...

— Тишина! — призвала Инна.

— Спасибо! — сказал папа. — Так. Меня зовут Алексей Леонидович. Но можно называть меня дядя Леша. А вас я буду звать по именам персонажей. Мне так проще запомнить. Ну-с! Устроим переключку. У вас же весь класс занят в спектакле?

— Да!!! — ответил весь класс.

— А где сценарий?

— В тумбочке! — и класс дружно показал в какой.

Раздобыв текст, папа открыл страничку с действующими лицами.

— Ага! — сказал он. — Приступим. Буратино!

— Я! — Денис поднялся.

— Приятно познакомиться. Садись. Папа Карло!

— Это я, — отозвался Митрофан Белов, сидевший перед папой на первой парте.

— Понятненько, — папа углубился в список. — А почему тут нет твоего лучшего друга?

— Колябзика? — удивился Митрофан. — А чё ему тут быть? Он же не из нашего класса.

— Какого Колябзика? Почему у вас тут нету Джузеппе?

— А его Виктор Геннадич выкинул из пьесы. У нас сокращенная версия, — пояснил Денис.

— Спасибо, Буратино. Ну и ладно. Обойдемся без сизоносых. Сверчок! Сверчо-ок!

— Его нет! — доложил чей-то голос.

— И где же он?

— Он с родителями в Турцию уехал, — сообщил все тот же источник, близкий к семье Сверчка.

— И кто за него?

Весь класс одновременно пожал плечами, как одна большая команда по синхронному плаванию, выполняющая элемент программы.

— А ну и фиг с ним! — сказал папа. — Обошлись без Джузеппе, обойдемся и без насекомого.

— А как же я с ним буду говорить? — заволновался Денис.

Папа на секунду задумался.

— А мы вот что сделаем! Сверчок, он же существо маленькое, правильно? Вот таким он у нас и будет. Ты будешь говорить с ним, нагибаясь к сцене. Словно он где-то там по полу ползает. Ну или там сделаешь вид, будто взял его в ладонь. А кто-нибудь в это время за сценой будет голосом Сверчка произносить его реплики. Кто хочет быть голосом Сверчка? Никто? Тогда я волевым решением назначаю на эту вакантную должность Соню. Ты поняла?

— Поняла, — сказала Соня.

— Смотрим дальше. Тэк-с, какой-то Мальчик. Какой там еще Мальчик?

— Я! — откликнулся Андрей Михно. — Это мальчик, которому Буратино продает свою азбуку за четыре сольдо!

— Даже забыл, что там есть такой. Ладненько. Угу. Карабас Барабас. Ну это я. Жаль, конечно, что Виктор Геннадьевич не пришел.

— Виктор Геннадич любил повторять, что актеру позволено не прийти на спектакль только в одном случае: если он умер! — вдруг воскликнул Денис.

Инна погрустнела. Она вспомнила, что то же самое бабушка говорила о своей ежедневной пятиминутке на большой перемене, когда весь учительский состав в обязательном порядке собирался в кабинете директрисы.

— А теперь, выходит, Виктор Геннадич сам не пришел! — скорбно и надрывно пожаловался Денис.

— Ну, как видишь, бывают исключения, — встал на защиту папа. — Получается, что актер может пропустить спектакль, еще и если у него сломалась машина. Или если родители увезли его в Турцию... Ладно. Так, теперь моя правая рука. Дуремар!

— Я! — с дальней парты поднялся долговязый Сашка Пилишвили. На нем были огромные болотные сапоги, из которых он торчал, как засохший букет из высокой вазы.

— Садись. Мальвина!

— Я!

— Я так и подумал. Отличный парик. Пьеро!

— Это я, дядь Леш, — не вставая, Костик помахал рукой.

— Не ожидал встретить тебя в таком амплуа... Артемон!

Сережа вскочил с левого ряда, Миша вскочил с правого ряда. Поэтому папа, сидевший посередине, услышал выкрик «Я!» в стереозвуке.

— Два Артемона? — папа по очереди посмотрел на кучерявых братьев. — Мальвина в вашей версии — заводчик пуделей?

— Просто один из нас вечно болеет! А в этот раз он не заболел!

— Сам ты не заболел!

— А Виктор Геннадич сказал, Артемоном будет тот, кто лучше гавкает!

— А кто из вас лучше стрекочет? Может, один из вас согласится побыть Сверчком?

— Пусть он будет Сверчком! — эти слова папа также услышал в стерео.

— Давайте мы погавкаем, а класс проголосует, кто лучше? — предложил Сережа.

— Не, не, не! — папа замотал головой. — Вы это уж как-нибудь сами решите. Кулуарно. Если вы понимаете, что я имею в виду.

— Кулуарно — значит у кулера, — сказал Миша.

— Ну-у... Можно и так сказать. Ладно! Идем дальше. Базилио!

— Я! — котом Базилио был Юра Кондаков, пухлый мальчик в круглых очках.

Немного освоившийся в новой обстановке, папа хотел было пошутить, что, судя по виду, Юра специально для роли набрал десять лишних килограммов и испортил себе зрение, но тактичность взяла верх.

— Отлично! — вместо этого сказал он. — Так, лису Алису я знаю с детства... Тортилла!

— Я! — Тортиллой оказалась Маша Сумкина, сидевшая рядом с Соней.

— Ага! Так. Э... Гм... Дерево?

— Я! — из-за парты поднялся Рома Пехов. — Я его держу. У меня маленькая роль.

— Не бывает маленьких ролей! Бывают маленькие актеры! — изрек старый афоризм папа. Что звучало двусмысленно, так как Рома был самым маленьким в классе, а потому и единственным, кого не было видно из-за дерева. — Теперь куклы!

Половина класса поднялась из-за парт.

— Ого! Садитесь. Лягушки!

Поднялась вторая половина класса.

— Ясно. Садитесь.

Папа вспомнил, как в прошлом году класс так же массово участвовал в постановке «Красной Шапочки». Ролей в сказке было мало, поэтому все мальчики, за исключением нескольких охотников, стали друзьями волка (они ходили за ним следом и выли хором), а все девочки стали подружками Красной Шапочки (они кружились вокруг нее в хороводе). Как заметила позже Соня, на сцене не хватало только друзей пирожков.

— Ну вот, полдела сделано! — чересчур оптимистично заявил папа. — Теперь открываем роли и будем репетировать.

— Мы в актовом зале должны репетировать! — поправила папу Инна.

— Хорошо, пойдемте в актовый зал, — папа встал. — Построиться по парам! Вы же еще парами ходите? Или вы уже достаточно взрослые, чтобы стесняться держаться за руки?

— Мы уже два года как гурьбой ходим, — сказал Костик.

— Тогда построиться в гурьбу! — распорядился папа.

Рой пятого «Д» вылетел из дверей класса и, бестолково толкаясь, направился в сторону актового зала. Позади всех тащился Сашка в болотных сапогах.

— А что за история с человеком из детской передачи? — спросил папа у шедшей рядом Сони.

— Я же тебе рассказывала! Ты еще сказал: «Здорово!»

— Да? Я?

Папа давно понял, что искусство быть родителем состоит в умении, не отвлекаясь от своих дел, говорить ребенку «Здорово!» или «Молодец!» каждый раз, когда он что-то там тебе показывает или рассказывает.

— Напомни вкратце.

— Сейчас идет фестиваль школьных театров. Или что-то в этом роде. И представитель из передачи «Мегашалуны» ходит на эти спектакли. Театральная студия, которая покажет лучший спектакль, будет снята в одном из выпусков. То есть весь наш класс! Ну, если мы победим, конечно.

— Здорово!

Пятый «Д» спал и грезил, что попадет в телевизор. Маша Сумкина и Кристина Попова даже выпросили под будущую запись передачи новые модные платья.

— Но я что-то сомневаюсь, что мы победим, — призналась Соня.

— Гони сомнения прочь! Не сомневайся! Важна уверенность.

— Хорошо. Я уверена, что мы не победим!

— Вот! Так-то лучше!

Папа остановился у дверей актового зала и подождал, пока класс соберется в кучку. Последним дошаркал Сашка.

— Все на месте?

— Ерохиных нет.

— Кто-нибудь их видел?

— Они остались у кулера, — сказал Сашка. — Вы же сами просили их разобраться кулинарно.

— Ладно, догонят.

Папа распахнул двери и первым ступил в актовый зал. Кто-то уже включил лампы, освещавшие сцену. Задник представлял собой рисунок с невнятными сказочными мотивами — гигантские цветы, пузатые деревья, радужные облака. С таким фоном можно было играть любую детскую пьесу. Ну, разве что, кроме трагедий, которые выходили из-под пера Дениса. Для оформления его историй подходила только увеличенная репродукция «Черного квадрата» Малевича. Но только без белой рамки — с ней бы получилось слишком весело.

У кулера тем временем заканчивался очередной этап переговоров между конфликтующими сторонами. Вначале Ерохины для разминки откатали свою обязательную программу («Почему ты?» — «А почему ты?» — «Я первый спросил!» — «Это ты сегодня первый спросил, а вчера я первый спросил!»). Затем они попробовали перейти к торгу. Однако быстро выяснилось, что ни один не имел достаточно ценной вещи, которую бы можно было предложить в обмен на уступку. У братьев-одногодков всегда так. Для них меняться друг с другом — это почти как списывать у самого себя домашнюю работу. И вот теперь Миша, нахмурившись, смотрел на Сережу, а Сережа, насупившись, отвечал на взгляд Миши.

Не спуская с брата глаз, Сережа потянулся, чтобы набрать воды в стаканчик. Это шло вразрез с Мишиным планом по обезвоживанию Сережи.

— Шухер! Степанна! — выпалил Миша, и Ерохины припустили к актовому залу.

У радиорубки Сережа замедлил шаг.

— Хотел бы туда попасть? — спросил он.

— Чего я там не видел! — соврал Миша назло брату.

— Ну там много чего есть интересного.

— Например?

— Всякая крутая фигня!

Несмотря на наличие ключа, сам Сережа побывал в рубке всего один раз, да и то по уважительной причине. Как-то зимой он дрожащим голосом зачитал фамилии учеников, бегавших на переменах по коридору. Трансляция проходила в рамках постоянной рубрики выпуска школьных новостей «Говорит дежурный класс». Сережа так волновался, что не видел вокруг себя ничего, кроме бумажки с именами провинившихся.

— Пап, хочешь конфетку?

— Не откажусь.

— Осторожно, она вся растаяла, — предупредила Соня.

— Ничего, — папа съел конфету и облизнул бумажку, испачкав шоколадом нос. — Спасибо.

— Пап, а можно попросить у тебя о маленьком одолжении?

— Маленьком? Какого примерно размера?

— Размером с пачечку арбузной жевачки.

— Я бы рад, но нету у меня жевачки. Особенно арбузной.

— А сходи к нам в столовку, у них, я слышала, есть!

— Ну что за блажь! Переживешь как-нибудь и без жевачки.

— Ну пап! Я забыла утром зубы почистить. Мне будет неудобно. И неудобно перед теми, с кем я буду играть!

— Вы что там, целуетесь? — папа с притворной тревогой полез в текст пьесы. — Сама сбегай. У тебя, как положено говорить в моем возрасте, ножки молодые.

— У меня ножки слишком молодые. У нас в буфете давно уже жевачку ученикам не продают. Только взрослым. Приказ Анныстепанны.

— Жестоко!

— Да, у нас строго. Прямо как с сигаретами.

— Жуть. Небось пацаны на переменах бегают пожевать за школу.

В столовой не было ни души. На щербатой тарелке, стоявшей на прилавке буфета, лежал одинокий глазированный сырок. Папа побарабанил пальцами по липкому прилавку. Потом покашлял, чтобы привлечь внимание. Никто не появился. Папа покашлял чуть громче, из-за чего подавился воздухом и закашлял уже в полную силу. Переведя дух, папа заложил руки за спину и стал прохаживаться по столовой.

Когда папа с недоумением рассматривал явно надкусанный плакат с рисунком яблочного пирога, сзади раздался шорох.

На буфетной стойке стояла ворона.

— Кыш! — шикнул папа.

Ворона смерила папу презрительным, как ему показалось, взглядом, схватила глазированный сырок и призадумалась.

Папа на цыпочках подошел к прилавку, не сводя глаз с вороны.

— Спой, светик, не стыдись... — сказал папа.

Ворона взмыла в воздух. Папа взмахнул руками, попытавшись схватить воронку за хвост, однако ворона увернулась, сделав фигуру высшего пилотажа. Папа прыгнул следом, но запутался в попавшемся под ноги стуле. Стул с грохотом упал, а ворона вылетела в растворенное окно.

Победа все же оказалась за папой — сырок остался лежать на подоконнике.

Папа взял сырок и выглянул в окно. Вороны нигде не было.

— Что тут у вас за шум?

Папа обернулся. На пороге столовой стояла директриса.

— Я не знаю. Сама перепугалась, — сказала дородная буфетчица, внезапно материализовавшаяся за прилавком.

— Стул упал, — объяснил папа, поднимая стул.

Он подошел к прилавку.

— Арбузную жвачку дайте, пожалуйста, — сказал он. — Сколько она стоит?

— Тридцать рублей.

Папа положил глазированный сырок обратно на тарелку и полез в карман за деньгами.

Анна Степановна все не уходила, следя за папой.

— Это я себе жвачку покупаю, — на всякий случай пояснил директрисе папа. — Детям не достанется. Правда-правда.

Анна Степановна продолжала смотреть на папу.

— А где второй сырок? — спросила буфетчица, взяв папины деньги и бросив взамен жвачку.

— Не знаю. Тут один и был.

— Два было! Уже три дня тут лежат!

Анна Степановна подошла поближе.

— Да не брал я! Это, наверно, ворона, — папа умоляюще взглянул на директрису. — Опять! Честное слово!

— А почему у вас тогда нос в шоколаде? — спросила глазастая буфетчица.

— Значит, ворона? — сказала Анна Степановна. — Ворона?

— Да, ворона! — разозлился папа. — Это у вас надо спросить, почему у вас тут всюду вороны!

— Ворона, — повторила директриса.

— Черт с вами! Сколько стоит этот ваш сырок?

— Тридцать рублей, — сказала буфетчица. — Что еще будете брать? У нас еще пирожки есть. Свежие!

Папа ссыпал горсть мелочи и, коротко кивнув, быстрым шагом вышел из столовой.

— Ворона, значит... — сказала ему вслед Анна Степановна.

Когда Ерохины вошли в актовый зал, пятый «Д» уже переодевался. Лягушки выуживали из большой коробки ободки с ушками и зеленые перчатки. Куклы рисовали друг дружке румяные щеки.

Большинство реквизита было куплено в магазине «Все по 39 рублей», и у некоторых лягушек уже недоставало по уху.

Денис, прилаживая длинный нос, пожаловался Костику:

— Блин! Нос на соплях держится!

Костик на секунду перестал мазать лицо белым гримом:

— В таком случае береги их. Не высмаркивайся!

— Да ну тебя!

Соня поднесла папе два пухлых целлофановых пакета.

— Твое обмундирование.

Папин костюм состоял из выдавших вида красных женских сапог, зеленых штанов от теплой пижамы, черной войлочной куртки в стиле восьмидесятых, широкого армейского ремня и пука бороды, сделанной из — папа попробовал на зуб — крашеной елочной мишуры.

Папа спрятался за стоящее в углу сцены фортепиано и, кряхтя, переоделся.

— Ну-ка, сфотографируй меня, — папа вручил Соне телефон.

Соня уже надела хвост и, чтобы тот не волочился по полу, сунула кончик в карман пушистой рыжей безрукавки.

— М-да, — сказал папа, рассматривая получившийся снимок. — Я похож на пятилетнего ребенка, который оделся на улицу без помощи мамы.

— Отлично выглядишь!

— Не верю! Как любил говорить мой коллега-режиссер Станиславский.

Папа достал бороду, распутал и пару раз обернул вокруг шеи на манер длинного шарфа.

— Вперед! Нас ждут дикие дела!

Папа вышел на середину сцены.

— Алё! — призвал он. — Господа! Дети! Начинаем! Папа Карло! Ты где? Подать сюда папу Карло!

Митрофан Белов протиснулся сквозь строй лягушек.

— Я не могу найти полено, — пожаловался он.

Все стали оглядываться по сторонам, ища требуемый реквизит.

— Где полено? Полено! — забеспокоился папа.

Полено не отзывалось.

— Как оно хоть выглядело?

— Ну, такое, — Митрофан изобразил в воздухе полено. — Из двухлитровой бутылки от пепси-колы было сделано. И бумагой обклеено. Виктор Геннадьевич обещал привезти настоящее полено из деревни...

— О! — папа поднял указательный палец, показывая, что ему в голову пришла идея.

Он сходил за пианино и принес огнетушитель, который заприметил, пока переодевался.

— Сойдет?

— Но он красный.

— Красное дерево — самая ценная порода древесины, — утешил Митрофана папа. — Ничего, обернем чем-нибудь. Не переживай. В театре всё условно. Так! Начинаем. Первая сцена! Давай, Карло!

Митрофан сел на стул, прокашлялся и неуверенно сказал, обращаясь к огнетушителю:

— Какое хорошее полено. А вырежу-ка я из тебя куклу!

Митрофан замолчал. Потом он открыл рот и помолчал еще немного.

— Научу ее говорить... — попробовал подсказать текст папа.

— Научу ее говорить, — послушно повторил Митрофан и опять замолчал.

— Тут написано: «Папа Карло режет полено, которое начинает пицать».

— Хи-хи-хи! Ха-ха-ха! — покорно пропищал с края сцены Денис.

— Подожди! — осадил папа — Он еще не начал тебя вырезать!

— У меня ножа нет, — тихо признался Митрофан. — Я его дома забыл.

— А ты давай руками полено обработай, — подал голос Костик. — Ты ж на карате ходишь. Сам говорил, что вас там учат убивать доски ребром ладони.

— У кого-нибудь случайно есть нож? — спросил папа.

К ужасу папы перочинные ножики оказались почти у всех мальчиков класса.

— Я-то думал, это приличная школа, — сказал папа.

— А мы после уроков в ножички играем, — объяснили ему.

— Ну не, так дело не пойдет. Вы таким ножиком порежетесь еще, не дай бог. Не хватало нам кровищи на сцене. У нас тут все-таки не телевизор, а театр! Может, у вас тут есть что-нибудь похожее на нож? Что-нибудь плоское?

— У Костика есть пара плоских шуток, — проворчал Митрофан.

— Пап! У нас тут железная линейка валяется! — пришла на помощь Соня.

Папа повертел в руках линейку.

— Это почти сабля. Ладно...

Папа стал сгибать и разгибать линейку, пока она не лопнула посередине. Получившийся «нож» он вручил Митрофану.

— Так... — сказал папа. — Мы еще не двинулись дальше первой страницы, а уже недосчитались целой кучи реквизита. Давайте проверим, чего у нас еще не хватает.

После пяти минут возни папа составил два списка.

Чего нет:

1. Шарманка.
2. Магнитофон.
3. Луковица.
4. Три золотые монеты (они же — сольдо).

Что есть:

1. Две золотые монеты (они же — сольдо).
2. Гроздь пластмассового винограда на тарелке.
3. Холст, изображающий очаг.
4. Плетка.
5. Лист водяной лилии (зеленая ледянка).
6. Золотой ключик.
7. Азбука.
8. Дерево.

Плетку папа сразу сунул себе за пояс. Золотой ключик, в котором папа узнал сувенирный пластмассовый штопор, был передан Тортилле-Маше.

Шарманку (коробку с ручкой) никто не видел с прошлой среды. По версии, высказанной Митрофаном, ее могла выкинуть уборщица. Карло должен был выходить с шарманкой в конце спектакля, и папа рассудил, что можно обойтись и без нее.

А вот магнитофон был необходим. Без музыкального сопровождения танцы лягушек и кукол теряли смысл. А без танцев почти полностью теряли смысл и сами лягушки с куклами. Имелся шанс, что, возможно, о местонахождении магнитофона знал завхоз. Папе предстояло это выяснить.

Луковицу, которую нужно было грызть Буратино, решили заменить на яблоко. («Это даже логичнее, — заметил папа, — все равно нормальные люди не грызут луковицы».)

Виноградная гроздь, хотя никуда и не пропала, вид имела неказистый. Когда-то ее невозможно было отличить от настоящей. Пластмассовые виноградины были так похожи на живые ягоды и так манили сорвать и съесть их, что это в итоге и сгубило гроздь. Ее использовали в качестве реквизита уже не в первом спектакле, и с каждым учебным годом из-за голодных актеров виноградин становилось все меньше и меньше. Гроздь собирались использовать в сцене ужина Карабаса и Дуремара в таверне для создания видимости изобилия на столе. «Ее мы тоже заменим яблоком», — разрешил папа, критично осмотрев ощипанную гроздь.

Проблему с недостающими монетами (круглыми шоколадками в фольге), в одних сценах изображающих сольдо, а в других — золотые, папа решил просто. «Будем считать, что их пять, — сказал он. — Каждая достоинством в два сольдо или два с половиной золотых».

Холст (большой картонный лист), на котором был изображен очаг, требовал предварительной работы. В нем следовало проделать дырку, а потом аккуратно заклеить. Иначе Буратино не смог бы проткнуть очаг своим хрупким носом. «Провертим дыру перед спектаклем. Если прорвем очаг на репетиции, заменить его нам будет нечем», — объяснил папа.

С остальным реквизитом все было в порядке. Митрофан даже нашел кусок обоев, которым обернул огнетушитель. Обои были коричневые, что вполне походило на кору дерева.

— Тишина! — скомандовал папа. — Начинаем!

Митрофан удобнее расположил спелёнутый огнетушитель на коленях и занес над ним половинку линейки. Хлопнула дверь. Папа обернулся. У входа в актовый зал стоял мальчик.

— Э... А где все? — спросил он.

— Кто все? — не понял папа.

— Ну это, короче, где ораторы?

— Какие ораторы?

— Ну, типа кружок.

— Тут кружок ораторского мастерства обычно проводится, — пояснил Костик.

— Сегодня тут репетиция. Твой кружок где-то в другом месте, — папа сделал неопределенное движение рукой. — Иди, поищи.

Мальчик вышел.

— Давай, — кивнул папа Митрофану.

Митрофан занес линейку над огнетушителем. Дверь в зал снова отворилась. Внутри просунулась голова мужчины.

— Это, короче, если тут ребята будут типа искать ораторское мастерство, передайте, что оно сегодня как бы в кабинете истории.

— Хорошо, — пообещал папа.

Голова мужчины исчезла.

— Это был руководитель кружка, — сказал Костик. — Я туда ходил в прошлом году.

— Да? И как? Тебе удалось овладеть ораторским искусством? Чему там тебя научили? — поинтересовался папа.

— О, это не опишешь словам...

Когда Митрофан с Денисом добрались до конца первой сцены, дверь снова отворилась.

— Короче... — начал новый гость.

— Твой кружок в кабинете истории! — не дал ему договорить папа. — Так больше продолжаться не может! Дайте мне бумагу и фломастер!

Получив требуемое, папа размашисто написал на листе: «Короче, кружок ораторского мастерства занимается типа в кабинете истории».

Повесив объявление на дверь, папа поднялся на сцену.

— Все, теперь нас больше не побеспокоят.

Дверь распахнулась. Это был отец Костика.

Семен Семенович был вылитый Костик. Если умножить Костика на два и вычесть волосы, как раз и получался его папа. В каждой руке Семен Семенович держал по большущей сумке, а за его плечами висел раздувшийся рюкзак.

— Ну что, любимцы Мельпомены, какие перепендосы? — спросил он.

— Репетируем, — ответил папа. — А ты чего так рано?

— На меня возложена обязанность снимать ваш триумф. И еще вот, — Семен Семенович чуть приподнял сумки, — угощения приволок. После спектакля запланирован небольшой фуршет. А ты чего тут?

— Заменяю Виктора Геннадьевича. Он оказался отрезан от цивилизации в какой-то Тмутаракани. Потом объясню. Кстати, не хочешь сыграть вместо него Карабаса?

— Ты хочешь сказать — вместо тебя? Хе-хе!

— Угадал, — вздохнул папа.

— Да я так сразу и понял по твоему видону.

— И как, я похож на Карабаса?

— Ты похож на Карабаса-погорельца. Ну, не буду вас отвлекать. Мне есть чем заняться.

Пока шла репетиция второй сцены, в которой Буратино говорил с невидимым Сверчком, Семен Семенович занес сумки за сцену, спустился в зал и начал устанавливать видеокамеру.

Закончив возиться с аппаратурой, Семен Семенович подошел к сцене и стал слушать, как Буратино вяло торгуется с Мальчиком.

— Купите мою бумажную курточку, — апатично предлагал Денис.

— Твою бумажную курточку? Вот еще, — так же безжизненно отнекивался Андрей.

— Тогда купите мой хорошенький колпачок, — сонно продолжал настаивать Денис.

— Нет! — прервал летаргический диалог папа. Он уже вошел в роль режиссера. — Так никто у тебя ничего не купит.

— Почему не купит? — запротестовал Денис. — По сценарию он должен сейчас купить у меня азбуку.

— Да я не в том смысле! Ты должен показать, что тебе очень нужны четыре сольдо. А ты мямлишь. Видел, как по телевизору в «Магазине на диване» предлагают купить всякую ерунду?

— У меня бабушка заказала самозатачивающийся нож. Но он сломался, когда дедушка попытался его заточить. Он не знал, что он сам затачивается, — поделился интересной историей Андрей.

— Вот! Ты должен предлагать свою курточку, колпачок и азбуку, как продавцы из телемагазина, — сказал Денису папа.

— А ты, — обратился он к Андрею, — должен вести себя, как твоя бабушка.

— Закажите прямо сейчас эту практичную бумажную курточку за 99 сольдо, и вы получите вдобавок колпачок и азбуку! — вставил Семен Семенович.

— Во-во! — поддержал папа.

— Что, мне так и говорить?

— Не так, но примерно с такими интонациями.

— Хорошо... Купите мою бумажную курточку!

— Ага! Уже намного лучше.

Наконец Мальчик вручил Буратино условные четыре сольдо и получил взамен азбуку.

— Молодцы. Переходим к знакомству Буратино с куклами, — объявил папа.

— Минуточку! — Семен Семенович взобрался на сцену и выудил из принесенной сумки пластиковую бутылку с чем-то мутно-белым и стопку одноразовых стаканчиков.

— Белый квас! — провозгласил он. — Налетаем! Угощаемся! Небось не пробовали такого!

— А чего-нибудь нормального ты попить не принес? — недовольно спросил Костик.

— Нормальным ты называешь свою газированную химию? Да ты знаешь, что за ночь в стакане пепси-колы растворяется монета?

— Ничего она не растворяется! Это ты ее ночью втихаря вытащил из стакана.

— Да, вытащил! Мне нужна была мелочь на маршрутку! И думаешь, маршрутчик был рад липким монетам?! Не волнуйся, сынку. Пепси я тоже принес. Травись на здоровье своей химией.

— Вот и дай ее! Замучил всех уже своим белым квасом!

— Цыц!

Семен Семенович был родом из Воронежа и долгое время тосковал в Москве по белому квасу, о котором в первопрестольной почему-то не слыхивали. Когда с недавнего времени в столичных магазинах начали продавать белый квас, Семен Семенович стал его ярким пропагандистом, за что уже был отстранен от обязанности покупать напитки для корпоративных праздников у себя на работе.

— М-м-м, — пригубив стаканчик, протянул он. — Нектар богов. Не стесняемся, подходим, угощаемся.

Самые смелые и замученные жаждой потянулись на дегустацию.

— Ну как? — Семен Семенович с надеждой заглядывал в лица смельчаков.

— На вкус как жидкий хлеб, — нашлась с комплиментом Инна, которая с трудом проглотила свою порцию.

— А то!

Остальные дегустаторы вслед за Инной не очень уверенно пробурчали что-то одобрительное, с тоской поглядывая на торчащие из сумки горлышки бутылок пепси.

— Пейте, пейте. Тут на всех хватит, — радовался Семен Семенович.

Среди подошедших попробовать был и Миша. После первого же глотка он взглянул на Семен Семеновича такими восторженными глазами, что в том воспряла вера в новое поколение.

Однако Мишина радость объяснялась несколько иной причиной. Он понял, что терпкий белый квас идеально подходит для того, чтобы скрыть в нем горечь бабушкиного слабительного средства.

Мысли замельтешили в Мишиной голове, как стая воробьев, вспугнутая кошкой. Так-так-так, перво-наперво нужно стянуть бутылку. Отнести в надежное место и развести в ней кристаллики из пакетиков. Потом подсунуть обратно. Нет! Не обратно! Нужно каким-то образом — но каким? Неважно! — подсунуть ее Сереже и уговорить выпить. Желательно всю бутылку! Он, дурачина, не стал пробовать квас, поэтому все еще наверняка мучится жаждой и не знает, какой он на вкус! «Ха! Ха! Ха!» — зловеще рассмеялся про себя Миша.

Как замороженный, Миша стал наблюдать за сумкой с квасом, выжидая, когда вокруг не окажется свидетелей. Вот от сумки отошли ребята. Вот Семен Семенович последний раз любовно погладил ее матерчатые бока. Вот сумка осталась одна. В ту же секунду Миша возник рядом, выхватил из нее бутылку и мигом телепортировался со сцены. В следующее мгновение он уже стоял у окна. От зала его скрывала тяжелая штора. Сердце стучало в ушах, словно после первой пробежки на физкультуре в самом начале учебного года.

Миша повернул крышечку, бутылка тонко свистнула, из горлышка поползла пена. Когда извержение закончилось, Миша достал два пакетика с бабушкиным зельем и пересыпал их содержимое в квас.

В это же самое время выскользнувший из актового зала Сережа стоял у двери радиорубки и отработывал молниеносное закрытие замка. Ключ в скважине, поворот, вытащить. Ключ в скважине, поворот, вытащить. Под каким именно предлогом он впихнет в рубку Мишу, Сережа еще не знал, но верил, что его озарит, когда придет момент действовать. Пока же нужно было позаботиться о подготовке плацдарма. Ключ в скважине, поворот, вытащить...

Когда на сцену вышла толпа кукол и разбилась на пары для танца, папа вспомнил об отсутствующем магнитофоне.

— Ну и где обитает ваш завхоз? — спросил папа.

Каморка завхоза оказалась на третьем этаже у металлической лестницы, ведущей на крышу.

На стук папы из-за двери появился бородатый мужчина лет шестидесяти пяти. Его голубая спецовка была усыпана крупными соевыми пятнами, словно перед этим он играл в снежки беляшами.

— Виктор Геннадич, какими судьбами? — сказал завхоз.

— Здрасьте. Но я не Виктор Геннадич, — папа приподнял бороду. — Я его... э... дублер.

— Как у вас все серьезно.

— Да. Вы случайно не знаете, где наш магнитофон?

— Знаю, знаю. Я думал, он вам не нужен. Магнитофон. Каменный век. Мне вон внук свой дискофон подарил. Или как он там называется. Лазерные диски играет.

— Хороший внук.

— Да, замечательный. Бери, говорит, дед, дискофон. Мне больше не нужен. Дисков надавал. Целую сумку приволок. Слушать не переслушать. Я ведь музыку страсть как люблю. Дискофон — очень удобная современная вещь.

— Так что там с магнитофоном?

— Он там, в кладовке, — завхоз мотнул головой куда-то вверх.

— Вы нам его дадите?

Завхоз постучал себе по карману, в нем что-то звякнуло.

— Вам повезло. Ключи тут. Я думал, они остались в грязном костюме. Минутку.

Завхоз прошел обратно в каморку и вытащил из розетки шнур электрического чайника.

— На всякий случай, — пояснил он.

Завхоз вышел в коридор, выудил из кармана брюк ключи на длинном кожаном ремешке и закрыл дверь на верхний и нижний замок, бормоча что-то про дискофон и диски, которые ему достались от внука.

— Так. Ну все, можно идти, — наконец сказал он и гостеприимным жестом пригласил папу следовать за ним.

Папа двинулся следом. Через два шага ему пришлось остановиться.

— Пришли. Магнитофон там, — завхоз стоял у лестницы на крышу. Он достал связку ключей, отделил от нее самый длинный и протянул папе. — Я, с вашего позволения, не пойду. Там ворона поселилась. Не любит она меня.

— Я ее знаю! Дважды уже встречал сегодня! А чего вы ее не прогоните?

— А как ее прогонишь? Она каркает! И нападает!

Папа поднялся по лестнице, отпер дверь и оказался в заваленном хламом помещении с низким потолком. Свет проникал через длинные, похожие на бойницы отверстия в правой стене. В комнатке пахло, как в курятнике. «Точнее, как в воронятнике», — поправил сам себя папа.

Магнитофон Toshiba стоял на двух высоких стопках ветхих учебников. Папа взялся за ручку и потянул на себя. На полпути магнитофон заартачился: его не отпускал провод, зацепившись за что-то штепселем. Папа дернул. Агрегат высвободился, но выскочивший шнур так и остался в недрах школьной рухляди.

Папа взял магнитофон под мышку и полез вызволять провод. Перевесившись через учебники, папа нащупал провод. И тут же почувствовал, как учебники разъезжаются в разные стороны. Из образовавшейся пробоины на плюхнувшегося на пол папу хлынула волна глобусов.

— У вас там все в порядке? — раздался снизу голос завхоза.

— Я в порядке, а вот тут теперь беспорядок. Я сейчас.

Папа встал на колени и осмотрел произведенные разрушения. Повсюду лежали политически устаревшие глобусы с надписью СССР на одной шестой части суши.

Папа нашарил под глобусами шнур и снова попытался его высвободить. Потерпев неудачу, папа подполз на коленях поближе. Его взгляду открылся усыпанный перышками закуток. У стены лежал лохматый моток проволоки. И только присмотревшись, папа понял, что это воронье гнездо.

Папа подобрался поближе. В центре гнезда лежала раскромсанная обертка от глазированного сырка. Увидев ее, папа едва не позвал завхоза, чтобы тот потом смог подтвердить его невиновность перед директрисой и буфетчицей.

Кроме обертки в жилище вороны было много чего интересного: несколько пивных крышек, алюминиевая ложечка, гайка, монетки... В целом все это походило на собрание предметов, которые маленькие дети засовывают себе в нос. Папа однажды видел такую коллекцию на стенде в поликлинике. В данном случае, правда, предметы были размером покрупнее, как будто они были извлечены из носа ребенка с очень большими ноздрями.

Заметив блеснувшую золотым цепочку, папа разгреб кучу и извлек кулон с прозрачным фиолетовым камнем. До карманов под карабасовским обмундированием ему было не добраться, и папа нацепил неожиданную находку на шею.

Закончив осмотр гнезда, папа наконец занялся высвобождением шнура, который каким-то чудом оказался обмотан вокруг ножки складного стула.

Папа быстро сложил учебники в две стопки и побросал за них глобусы. Порядок или, скорее, то, что могло сойти за порядок в этом помещении, был восстановлен. Папа отряхнулся и спустился к завхозу.

— Глядите, что я там нашел в гнезде, — сказал он и начал снимать с шеи кулон. — Кто-то потерял, а она сперла.

— Не-не! Вы лучше отдайте это классному руководителю. А мне не надо. Меня эта ворона и так не любит. Еще найдет по запаху. Будет мстить. Она ко мне уже залетала, — он вздохнул от неприятного воспоминания.

— Хорошо, — папа засунул кулон обратно за пазуху. С кулоном он чувствовал себя сиротой-переростком, которому родители, перед тем как подкинуть в приют, надели на шею медальон, чтобы потом опознать по нему. — Спасибо за магнитофон.

— Да не за что.

— Ну, до свидания.

Папа повернулся, чтобы уйти.

— Один деликатный вопрос, — сказал завхоз. — А вы случайно не знаете, как этот дискофон включается?

— Ну, кто тут у вас звукооператор? — спросил папа, поставив магнитофон на сцену.

— Сверчок! — сказал подскочивший Костик.

— Это который в Турции?

— Ага. Хотите, я за него буду? Я все знаю!

Костик щелкнул кнопкой, вытащил выпрыгнувшую кассету и дал ее папе.

На засаленной кассете выцветшим красным фломастером было написано «5-й «Б», «Золотой ключик», 1998».

Папа перевернул кассету. На обратной стороне значилось: «Гражданская оборона» «Армагеддон-поп».

— Раритет, — уважительно сказал папа.

— Нужно только включать и выключать. Сначала музыка для вступления. Потом музыка для танца кукол. И так далее.

— А он мощный? — папа с сомнением посмотрел на допотопный аппарат. — Мне кажется, он и при жизни-то не отличался особой громкостью. Нас задние ряды услышат?

— Так он же к колонкам подключается. Я всё-всё знаю!

— Ну ладно. Действуй тогда. Главное — не включи по ошибке другую сторону, — предупредил папа.

Костик оттащил магнитофон за декорации, и вскоре куклы уже танцевали свой незатейливый менуэт. Танец заключался в том, что куклы небольшими рывками поднимали руки на уровень носа, затем так же медленно их опускали, поворачивались на 90 градусов и повторяли все по новой.

Несмотря на четкий ритм мелодии, часть кукол умудрилась закончить танец гораздо раньше остальных. Причем некоторые из этих самых быстрых марионеток стали терпеливо дожидаться отставших, а некоторые продолжили вращения. И это, конечно, привело к тому, что кое-кто из поджидавших не удержался и тоже начал танец по второму кругу. Но тут, к счастью, музыка закончилась.

— Замечательно, замечательно, — сказал папа, который не слишком внимательно следил за происходящим на сцене, поскольку был занят тем, что волновался.

Папа нервно жевал бороду из мишуры, повторяя про себя: «Дурацкая деревяшка, ты помешал представлению моей прекрасной комедии». Это была его первая реплика. К своему стыду, папа вдруг занервничал.

Единственный раз папа выходил на подмостки любительского театра, когда учился в шестом классе. Тогда ему пришлось изображать Третьего путника из инсценировки стихотворения про бревно, которое лежало на дороге и всем мешало. Бутафорского бревна, само собой, в школе не нашлось, и его заменили на черенок лопаты, что несколько снижало пафос постановки. Роль Третьего путника была без слов. Пока чтец декламировал немного обидные строки: «...Он с виду был и хил и мал. Он молча скинул полушубок и в сторону бревно убрал», юный папа скидывал с плеча куртку и играючи убирал с пути пустяковое препятствие.

Кроме вполне объяснимого актерского мандража папу беспокоило еще и то, что в конце сцены он по сценарию должен был взвалить Буратино на плечи, утащить в свое логово, располагавшееся в трех метрах левее, и подвесить там на крюк. Нет, папа уже не был хил и мал. Загвоздка заключалась в другом. В прошлом году врач запретил поднимать ему всё, что весит больше, чем «ну, допустим, вот этот пакет», — как сказал доктор, принимая от папы в подарок за вылеченную спину шампанское и коробку шоколадных конфет. Теперь папа всегда носил с собой обезболивающие таблетки, которые, впрочем, никогда не пил, поскольку после них ему очень хотелось спать.

С тех пор каждое утро, вдевая руки в лямки Сониного портфеля, папа привычно ворчал: «Когда-нибудь вам назначат дополнительный урок, и лишний учебник станет той соломинкой, которая ломает верблюду спину». По папиной прикидке Буратино весил минимум как пять под завязку набитых портфелей. А папа и так уже сегодня рискнул и оттащил тяжеленную бутылку с водой для кулера в кабинет директрисе. Вспоминая об этом, позвоночник все еще недовольно поскрипывал.

И хотя катать Дениса на плечах папа отказался сразу, как только прочитал об этом силовом упражнении в тексте пьесы, совсем отвертеться от подъема живого груза он не мог. Подвешивание Буратино на крюк было главным спецэффектом спектакля. Специально для этого трюка Виктор Геннадьевич соорудил из двух ремней и железного кольца хитрую подпругу, которая сейчас обтягивала грудь и спину Дениса. Причем подрыгать ножками в воздухе Буратино должен был дважды. Второй раз он попадал на крюк, точнее — на сучок, когда его подвешивали на дерево Базилио и лиса Алиса. Но вешать Буратино (под покровом выключенного освещения на сцене) нужно было опять же папе. Он же должен был подтащить к крюку и само дерево.

— Давай минимизируем возможный вред моему хрупкому позвоночнику, — безапелляционно предложил папа. — На репетиции ты просто постоишь под крюком. Но мы будем считать, что ты висишь. А уж на спектакле, ладно, поподнимаю тебя.

На том и порешили.

— Дядя Леша!

— Папа!

Папа вздрогнул, выплюнул бороду и, топая ногами, вышел к столпившимся вокруг Буратино куклам.

— Дурацкая деревяшка! — проревел он, сам удивившись звериным звукам, раздавшимся из рта. — Ты помешал моей замечательной комедии!

Текст оказался немного перевран, но в целом папа был доволен своей игрой.

— Вы это сделали! — радостно заухал он с места во втором ряду, с которого вальяжно наблюдал за мучительным прогоном спектакля. — Теперь вам всего-то и осталось, что напрячься и сделать это еще раз!

Папа утер бородой потный лоб и сел на край сцены, свесив ноги.

— А вообще как это было со стороны?

— Сойдет для сельской местности. Если вас позовут туда с гастроями. Хе-хе!

— Совсем плохо, да?

— Да нормально! Ну, за исключением некоторых моментов.

— Ты про Артемонов?

— Да нет, с ними как раз все в ажуре.

— Вот и мне так кажется.

Когда репетиция добралась до момента первого появления пуделя, на сцену выскочили сразу два Артемона. Оба тащили стулья. Сережа волок обычный деревянный от парты, а Миша — вертящийся для пианино. По задумке, Артемон должен был принести стул из домика Мальвины, чтобы, ступив на него, подвешенный Буратино без посторонней помощи смог спуститься с дерева.

Братья достигли Буратино одновременно. Каждый подставил свой стул под одну из ног Дениса. Буратино не пошевелился, ожидая указаний режиссера. Ерохины обернулись и выжидательно посмотрели на папу. Папа устало махнул рукой:

— Чувствуйте себя как дома.

Услышав это пожелание, Миша тут же отвесил Сереже подзатыльник. Сережа прыгнул на Мишу, и братья покатались по сцене.

— Ура! — закричал Костик. — Собачьи бои! Ставлю на кучерявого!

— Прекратите! — скомандовал папа.

Ерохины с готовностью выпустили друг друга из стальных хваток и поднялись с пола.

— И что мне с вами делать? — спросил папа. — Я так понимаю, переговоры в кулуарах зашли в тупик.

Братья опустили глаза.

— Ладно. В общем, так. Властью, данной мне Виктором Геннадьевичем, разрешаю вам в репетиции участвовать обоим. Хотите — хором говорите, хотите — по очереди, мы потерпим, только ведите себя хорошо. В конце репетиции я выберу лучшего Артемона. И тогда — чур не обижаться! Идет?

Братья кивнули.

— Значит, договорились. Так, сейчас уносим вертящийся стул и продолжаем.

— Хе-хе. Воистину Соломоново решение! Дать шанс обоим! — одобрительно отозвался из зала Семен Семенович.

— Соломоновым решением было бы дать обоим ремня, — сказал папа, и его рука непроизвольно погладила торчащую из-за пояса плетку.

Но к папиному удивлению, когда братья Ерохины вышли на сцену, их было не узнать. Стоило одному начать реплику, второй ее подхватывал. А если даже они и говорили что-то разом, это выглядело очень естественно. «Такое ощущение, словно они знают друг друга всю жизнь!» — подумал папа, не подумав.

К концу репетиции папа пришел к выводу, что два Артемона если не лучше в два раза, чем один, то уж, во всяком случае, не хуже, и решил рискнуть — оставить в спектакле обоих.

Получив от Семена Семеновича подтверждение, что с Артемонами действительно все в порядке, папа встал и отправился за сцену обрадовать Ерохиных. Когда он скрылся за декорациями, дверь актового зала открылась.

Это были Анна Степановна и мужчина в темных очках, спортивном пиджаке и джинсах.

— Я смотрю, тут у вас за 15 лет ничего не изменилось, всё по-старому, — сказал мужчина.

— Как это не изменилось! Как это по-старому! — в голосе Анны Степановны слышалась обида.
— Шторы новые!

Мужчина снял очки, посмотрел на шторы, кивнул и снова спрятал глаза за темными стеклами.

Анна Степановна подошла к сцене. Проходя мимо Семена Семеновича, который сидел, развалившись на кресле и закинув ноги на первый ряд, она посмотрела на него так строго, что тот немедленно выпрямился и принял позу, полагающуюся взрослому.

— Добренький денёчек! — сказал Семен Семенович.

В ответ директриса даже не кивнула.

— Виктор Геннадьевич! — Анна Степановна постучала ладонью по доскам сцены. —
Покажитесь!

Из-за декораций выглянула Инна.

— Виктор Геннадьевич только что вышел!

Директриса неодобрительно поджала губы, как будто считала, что Виктор Геннадьевич сперва должен был отпроситься у нее. Она обернулась к своему спутнику:

— Увы, Ростислав.

— Борисович, — подсказал мужчина.

— Конечно! Так непривычно. Вот вы уже и Борисович! А ведь мы помним вас простым Ростиславом.

— Да я год всего тут у вас и проучился-то.

— Но мы помним!

Анна Степановна немного приукрашивала истинное положение вещей. Когда Ростислав Борисович обмолвился ей, что когда-то учился тут, она, естественно, радостно закивала, словно узнала его, но это было далеко не так. Вот уже полчаса Анна Степановна водила гостя по школе с экскурсией, надеясь исподволь выманить у него хоть какую-то дополнительную информацию о времени, проведенном в эти стенах. Однако Ростислав Борисович в основном молча кивал или отпускал короткие пренебрежительные замечания. Анна Степановна до сих пор не выяснила даже, кто был у него классным руководителем.

— Да, мы помним... — повторила Анна Степановна и устремила затуманенный дорогими сердцу воспоминаниями взгляд в дальний угол актового зала. «В РОНО обещали выделить денег на штукатурку зала еще осенью, а уже лето на носу», — думала она при этом.

Гулявший за сценой Сашка Пилишвили запутался в своих болотных сапогах и свалился прямо в центр кучки шушукавших на полу девочек-лягушек. Визг вернул директрису к действительности. Анна Степановна нахмурилась, но шум уже прекратился. Тычки же, которые сейчас получал от девчонок Сашка, были практически беззвучны.

— Ну что ж, Ростислав Борисович, пойдете. Хотела вас сразу познакомить с нашим художественным руководителем...

— Пф! А то я их раньше не видел.

— Нашего не видели! Не знаю, как в других школах, но у нас замечательный художественный руководитель, — Анна Степановна снова обернулась к внучке. — Инна, передай Виктору Геннадьевичу, что я жду его на пятиминутке. Пятиминутка сегодня посвящена спектаклю. Его присутствие обязательно.

— Ага! Передам! — кивнула Инна и скрылась за декорациями.

Над Инной тут же возник папа. Он выпучил глаза и беззвучно затряс руками. С языка жестов это переводилось примерно как: «Какое «ага, передам»? Виктор Геннадьевич застрял где-то у черта на рогах! Каким это таким образом он появится на пятиминутке?» Когда папа услышал, как дверь за директрисой и Ростиславом Борисовичем захлопнулась, он повторил то же самое уже вслух.

— А у меня есть идея! — сказала Инна.

— Какая? Позвонить в милицию и сказать, что в школе заложена бомба? И тогда всем будет не до пятиминутки?

— Нет! Вы пойдете на пятиминутку вместо Виктора Геннадьевича!

— Что?! Как ты себе это представляешь?

— Соня! Скажи же! В бороде и шляпе твой папа — вылитый Виктор Геннадьевич!

Соня тут же подлетела к ним.

— Пап! Ты в этой бороде и правда вылитый Виктор Геннадич! У тебя, кроме глаз, ничего не видно!

— И что, я пойду прямо так — в бороде и шляпе? И буду только моргать?

Инна была готова к этому вопросу.

— Конечно! Вы скажете, что у вас нет времени снимать грим, а потом снова его надевать.

— И чьим же я голосом это скажу? Только своим! Подражать голосу Виктора Геннадьевича я не умею. Или мне проморгать это азбукой Морзе?

Но у Инны все было продумано.

— Вы будете говорить голосом Карабаса!

— Конечно! — подхватила Соня. — Как будто ты не хочешь выходить из образа!

— Да она вам даже и слова не даст сказать! — заверила Инна. — Я была у нее на пятиминутках, она одна на них говорит, а остальные молчат и кивают.

— Нет, нет, нет! И нет! — папа бешено замотал головой, словно собака, отряхивающаяся после купания.

— Тогда Виктора Геннадьевича уволят, — Инна обреченно понурилась.

— Ну пап!

К этому моменту вокруг них стоял уже весь класс и канючил на разные лады:

— Ну дядь Леша!

— Ну Алексей Леонидович!

— Ну дядя Карабас!

Папа вздохнул:

— Может, все-таки лучше позвонить в милицию и сказать, что в школе заложена бомба?

— Ну пап!

— Ладно, ладно!

Папа спустился со сцены и обреченно пошел к выходу.

— Удачной охоты! — подбодрил папу Семен Семенович, когда они поравнялись.

— Не издевайся, — ответил папа.

Но у Семена Семеновича имелись в запасе и другие напутственные слова.

— Кто не рискует, тот не пьет шампанское! — прокричал он в спину папе. — Двум смертям не бывать, а одной не миновать! Со щитом или на щите! Если смерти, то мгновенной, если раны — небольшой!

Последнее, что услышал папа, перед тем как выйти из актового зала, было:

— Ни о чем не волнуйся! Если что, я позабочусь о твоей семье!

— Гляди, что у меня для тебя есть! — Костик протянул Соне тетрадный листок, сложенный пополам.

— Как ты догадался? Я как раз хотела куда-нибудь выплюнуть жевачку!

— Вот еще! Не для того я выуживал этот важный документ из мусорного ведра, чтобы он там снова оказался.

— Фу!

— Не бойся! — Костик потер листок о зад штанов. — Вот, все микробы счищены!

— Так ты их только разозлил!

Тем не менее Соня брезгливо развернула листок и прочла:

Ты сидишь впереди меня

(Кроме пенья, где ты сидишь сзади),

И я жду наступления дня,

Когда нас с тобой рядом посадят.

На уроках на всех бы тогда

(Кроме пенья, такой уж порядок),

Я бы рядом с тобой был всегда!

(На физре, правда, тоже не рядом.)

(И не рядом еще на труде.)

Но пока все уроки так длинны!

И покоя мне нету нигде!

Мы за разными партами, Инна!

— Ну как? — спросил Костик, дождавшись, когда Соня дочитает.

— Ты влюбился в Инну!

— Как видишь, я настолько сошел с ума от любви к ней, что у меня даже почерк изменился. Узнаешь на чей?

— Почерк не знаю, но знаю одного человека, который считает, что может писать стихи.

Тут они оба обернулись и посмотрели на Дениса, который в этот момент глядел на Инну, видимо, досочиняя следующее четверостишие, в котором он уточнял, что на английском они тоже не смогут сидеть вместе, так как записаны в разные группы.

— А почему он его выкинул?

— Это же черновик, что, не видишь? Я видел, как он с него в тетрадь свою начисто переписывает. Я думал, это его домашка по математике, вот и вытащил из мусорки.

Соня снова взглянула на листок. На полях, как в рукописях Пушкина, красовались быстрые рисунки — профили танков и виньетки взрывов. Можно было разглядеть и зачеркнутые варианты отвергнутых строк. «И когда ты стоишь у доски/ <неразборчиво> до гробовой доски».

Костик взял у Сони листик, аккуратно сложил и спрятал в карман.

— Когда он прославится, я на этом разбогатею.

— Продашь стихотворение на аукционе?

— Нет, буду им его шантажировать.

— А давай подкинем его Инне. Мне так ее всегда жалко. Никто с ней не дружит.

— Ну давай тогда их лучше подружим.

— И как, интересно, ты это сделаешь?

— Всегда можно что-нибудь придумать. Было бы желание.

Желание у Сони было.

К чести Анны Степановны стоит отметить, что ее пятиминутки всегда шли всего лишь пятнадцать минут, поскольку устраивались на большой перемене после третьего урока.

Папа, спрятавшись за фанерную тумбу с плакатом «Умей действовать при пожаре», подождал, пока в кабинет набьется побольше учителей, и только потом вошел. Его расчеты не оправдали себя — единственное свободное место оказалось рядом со столом директрисы.

— А вот и наш Карабас пожаловал! — поприветствовала папу Анна Степановна.

Папа выдохнул. Он боялся, что ему придется представляться, и не знал, как это сделать. Ну не говорить же: «Это же я — Виктор Геннадьевич, просто в гриме».

Папа занял пустовавший стул. Учитель физкультуры, сидевший рядом, осклабился и весело подмигнул. В ответ папа кивнул. Физрук был в пиджаке, галстук, но со свистком на шее.

— Сегодня у нас на пятиминутке присутствует дорогой гость, — торжественно начала Анна Степановна. — Познакомьтесь, наш выпускник — Ростислав Борисович.

Учителя дружно посмотрели на Ростислава Борисовича, расположившегося по правую руку директрисы, прямо напротив папы. Ростислав Борисович, не вставая, раскланялся. Он все так же был в темных очках.

— Все мы помним Ростислава! — продолжила Анна Степановна. — Когда-то он бегал по коридорам нашей школы, а вот теперь стал большим человеком! Работает на телевидении!

— И теперь бегают по коридорам там! — хихикнул папе на ухо учитель физкультуры и ткнул папу кулаком в бок.

— Виктор Геннадьевич... Виктор Геннадьевич!

Папа не сразу понял, что директриса обращается к нему.

— Виктор Геннадьевич, сфотографируйте нам Ростислава Борисовича. У нас есть специальный стенд «Ими гордится школа», — пояснила Анна Степановна гостю. — Вы станете его украшением! Виктор Геннадьевич! Ну что же вы!

Папа, вздрогнув, судорожно полез под пижамные штаны Карабаса, вытащил из кармана джинсов телефон и, держа его на вытянутой руке, подошел к Ростиславу Борисовичу.

Ростислав Борисович медленно снял очки и милостиво дал себя сфотографировать. Папа снова сел.

— О! Новый телефон? Поздравляю! — шепнул папе физкультурник и ткнул кулаком под ребра.

Папа мельком глянул на Анну Степановну, и у него перехватило дыхание. Директриса смотрела на него взглядом, которым удостаивают гостя, второй раз за визит севшего на вашу любимую кошку. «Всё! Догадалась!» — убито решил папа.

— Ну Виктор Геннадьевич! — наконец сказала Анна Степановна. — Зачем мы тогда покупали дорогой фотоаппарат — за семь тысяч рублей, между прочим! — если вы им не пользуетесь?

Директриса устало покачала головой.

Папа вскочил, не зная, что ему теперь делать. Он беспомощно заозирался. Все учителя хранили непроницаемый вид, и только физкультурник весело подмигнул папе.

Директриса вздохнула:

— Фотоаппарат там же, где и всегда.

Папа оглядел кабинет. По идее, камера должна была находиться в одном из двух шкафов. Но в каком? В правом был кулер. Значит, в левом. Папа шагнул к левому, но остановился. Когда он водружал бутылку на кулер, то открывал только одну створку, а фотоаппарат мог оказаться и за второй. Так что шансы в любом случае были пятьдесят на пятьдесят. Ну или пятьдесят шесть на сорок четыре, что не слишком существенно.

«Главное — действовать уверенно», — сказал себе папа и осторожно направился к правому шкафу. Он рывком распахнул вторую дверцу и увидел перед собой кулер. Хотя это и смутило папу, он быстро отворил другую створку. За ней тоже стоял кулер. Кулеры ничем не отличались друг от друга, кроме того, что бутылка одного была пуста.

— Виктор Геннадьевич! Сейчас не самое подходящее время пить воду, — услышал папа голос Анны Степановны. — Кстати, Петр Владимирович, сколько еще здесь будет стоять сломанный кулер?

Пока директриса разбиралась с Петром Владимировичем, папа нашел в левом шкафу фотоаппарат, еще раз отщелкал Ростислава Борисовича, положил камеру обратно на полку и возвратился на свое место.

— Ты мне новогодние фотки так и не прислал, — напомнил папе учитель физкультуры, но кулаком в бок почему-то не пихнул.

Между тем Анна Степановна вернулась к повестке дня.

— По лицам учителей я вижу, что многие сейчас перенеслись в те годы, когда Ростислав Борисович...

— В тот год! — перебил Ростислав Борисович. — Я год всего сюда ходил.

— Да! Конечно! Многие учителя сейчас мысленно перенеслись в тот год, когда Ростислав Борисович — тогда еще просто Ростислав — сидел у них на уроках и как губка впитывал знания. Кто знает, возможно, именно благодаря нашим замечательным педагогам Ростислав Борисович и стал тем, кто он сейчас есть. Может, кто-нибудь из учителей вспомнит какой-нибудь забавный случай с нашим гостем, какой-нибудь его яркий ответ? Ему было бы приятно, а нам интересно послушать!

Учителя молча смотрели перед собой, иногда тихонько косясь на гостя. Пятиминутка воспоминаний явно не клеилась.

— Да я особо не блистал, — сказал Ростислав Борисович. — Чего там вспоминать-то.

— Не скромничайте! — вступилась Анна Степановна. — Ваш классный руководитель что-то обязательно вспомнит!

— И я и сам классную свою почти забыл. Никифоровна какая-то. Катерина, что ли.

— Марина Никифоровна! — обрадовалась директриса: теперь она хоть что-то знала о школьном прошлом Ростислава Борисовича. — Марина Никифоровна вышла на пенсию в прошлом году. Жаль, что ее с нами сейчас нет. Она была бы счастлива вас увидеть!

Физкультурник отработанным тычком привлек внимание папы и прошептал:

— Да кто он вообще такой?

Анна Степановна заметила движение слева.

— Кирилл Кириллович, — сказала она физкультурнику. — Встаньте и поделитесь со всеми коллегами, о чем вы там шушукаетесь. Нам всем тоже интересно послушать.

Физкультурник встал:

— Я, Анна Степанна, хотел узнать подробности о нашем госте.

Физкультурник сел, откинулся на стул, скрестил на груди руки и закинул ногу на ногу, всем видом показывая, что ничуть не боится директрисы.

— Кирилл Кириллович, сядьте прямо! — сказала директриса, которая не боялась физкультурника еще больше.

Физкультурник послушно выпрямился, расплел ноги и опустил руки. Но тут же снова демонстративно скрестил руки на груди. По природе он был бунтарь.

— Я вам отвечу на ваш вопрос, Кирилл Кириллович. Кажется, я действительно упустила некоторые подробности. Как я уже говорила, наш талантливый выпускник Ростислав Борисович работает на телевидении. Именно Ростислав Борисович, — тут Анна Степановна повернулась к гостю и одарила его восхищенной улыбкой, — да-да, именно он делает любимую всеми нами — и учениками, и преподавательским составом — программу «Мегаподростки»...

— «Мегашалуны», — поправил Ростислав Борисович.

— Или «Мегашалуны», если быть точнее, — не смутилась Анна Степановна. — Может быть, Ростислав Борисович сам расскажет, почему он здесь?

— Расскажу, — ухмыльнулся Ростислав Борисович. — Наш канал вместе с департаментом образования проводит совместную акцию. Сейчас в городе проходит месячник школьных театров. А заодно все кружки, которые прислали нам на передачу заявку, участвуют и в нашем конкурсе. Коллектив-победитель снимется в специальном выпуске передачи. Такой вот проект. Вот я и хожу по школам и смотрю всякую самодеятельность. А теперь добрался и до вас.

— У нас столько талантов! Вы не пожалеете! А после спектакля наиболее активные дети покажут вам по маленькому номеру. Они специально для вас подготовили!

— Нет-нет! У меня нет времени оставаться после спектакля. Дела!

— Но как же! А маленький банкетик по случаю премьеры? Будет специальный взрослый столик!

— Спасибо! Но нет! Никак не получится.

— Ах, Ростислав Борисович, Ростислав Борисович! Нельзя же быть таким занятым человеком!

Ростислав Борисович деланно вздохнул, как бы соглашаясь, что нельзя быть таким занятым человеком, но ничего не поделаешь.

— Мне кажется, у нашей — у вашей! — родной школы гораздо больше шансов на победу, чем у остальных, не правда ли? — хитро спросила Анна Степановна.

Ростислав Борисович сделал вид, что намек не понял:

— Так сразу сказать нельзя. Я же ваше выступление еще не видел. Может, у вас тут действительно талант на таланте. А вообще, пока что лучше всех была школа сто пятьдесят...

— Только не говорите что седьмая! — не удержалась Анна Степановна.

— ...седьмая, — все-таки договорил Ростислав Борисович.

Гимназия № 157 располагалась через дорогу и уже тридцать лет не давала спокойно спать Анне Степановне. В 1987 году в сто пятьдесят седьмой появился настоящий компьютерный класс. В то время как всё знакомство с компьютерами у учеников школы Анны Степановны ограничивалось песней «Наш компьютер умница, вместе с нами учится», разучиваемой на уроках музыки. Пять унижительных лет на информатику старшеклассники двести четвертой ходили в логово конкурентов.

У сто пятьдесят седьмой был свой бассейн. Правда, в девяностые его сдали под склад фирмы, производящей железные двери, и с тех пор он так и не ожил, но зато сто пятьдесят седьмая обзавелась за это бесплатными решетками на окна, а двести четвертой пришлось трясти родителей. Сто пятьдесят седьмая раньше всех в районе переименовала себя в гимназию. Сто пятьдесят седьмая первой открыла собственный сайт. Химика из сто пятьдесят седьмой отметили званием «Учитель года России». Во дворе сто пятьдесят седьмой стоял столб-указатель с расстоянием от школы до столиц мировых держав, Северного полюса, Красной площади и Диснейленда. А теперь еще и это!

Анна Степановна с трудом переварила шокирующую информацию.

— Но вы же учились у нас! — все еще надеясь на лучшее, сказала она.

— Я и в сто пятьдесят седьмой учился. И гораздо дольше.

Анна Степановна покачнулась.

— Но это, естественно, не значит, что у меня какое-то предвзятое мнение, — поспешил заверить Ростислав Борисович. — С таким же успехом победить в конкурсе может и ваша школа. Или еще какая.

— Что ж, хочется в это верить, — выдавила из себя Анна Степановна, которой слабо в это верилось.

Атмосфера легкой торжественности, царившая на пятиминутке, быстро рассеивалась. Анна Степановна подобрала со стола ручку и направила ее на папу, как будто целясь перед выстрелом.

— Виктор Геннадьевич, — папа напрягся. — Я рада, что вы активно привлекаете родителей, но почему они у вас все с прибабахом? Один сидит с ногами на кресле, показывая дурной пример детям, другой вообще... Я попросила его минуту побыть в кабинете, пока меня нет, а он залез в мой компьютер и напечатал какую-то ахинею. Какой-то шляпс! Прямо в тексте моего доклада! Это как вообще понимать? Это он пошутить так хотел? Или, наоборот, хотел мне помочь? А знаете, что он мне сказал? Он сказал, что это не он всю эту тарабарщину напечатал, а ворона. Ворона! А вы потом этого ненормального — будем называть вещи своими именами — оставили одного с классом! Да он же что угодно мог вытворить! Ну что вы молчите? Бойтесь, борода отклеится?

Папа кивнул.

— Очень смешно, Виктор Геннадьевич, очень смешно... Это не смешно, — попутно приструнила Анна Степановна захихикавшего физрука и обратилась ко всем учителям. — Между прочим, к нам сегодня пожалуют и другие важные гости. Из РОНО.

Учителя заёрзали.

Анна Степановна была против показухи и никогда не объявляла заранее о предстоящих проверках. Учителя давно привыкли к этому и каждый раз привычно вздрагивали.

— Не волнуйтесь, это по мою душу, — загадочно пояснила Анна Степановна. — Я запланировала, что сначала мы с ними посмотрим спектакль, а потом, получив заряд веселья, займемся делами. Не подведите меня. Что ж... Виктор Геннадьевич, перепоручаю вам нашего

гостя. Конечно, очень жаль, что Ростислав Борисович не может остаться с нами после спектакля, но до начала еще есть время. Познакомьте его пока с нашими юными актерами. Они с таким нетерпением ждали этой встречи. Надеюсь, они ему все-таки успеют показать свои номера, и Ростислав Борисович сможет составить о наших детях более полное представление. Да и они потом не будут так волноваться на сцене, узнав его поближе.

Анна Степановна встала. Папа и Ростислав Борисович тоже поднялись с мест.

— Жаль, конечно, что вы, Ростислав Борисович, не испытываете к нашей школе тех же трепетных чувств, какие мы все испытываем к вам и к вашей передаче. Да, не так я представляла нашу встречу. Когда вы по телефону сказали, что учились у нас, я... Ну да чего уж теперь. Всё! Не буду вас задерживать.

Когда папа с Ростиславом Борисовичем вышли, Анна Степановна подняла учителя физики и заставила его объясниться, почему он решил показать на уроке эксперимент по бросанию в кока-колу таблеточек ментоса. Опыт с фонтаном газировки произвел такое неизгладимое впечатление на учеников, что они повторили его самостоятельно на следующий день. В результате чего пол в коридоре у раздевалки стал таким липким, что к нему намертво приклеились два первоклассника. По крайней мере, так они объяснили свое опоздание на урок.

— Где мой кулон с аметистом? — неожиданно прервала она покаянную речь физика. — У меня на настольной лампе висел кулон. Где он? Где мой кулон?!

— Сурова она у вас, — сказал Ростислав Борисович, когда они с папой оказались в коридоре.

— Зря вы про сто пятьдесят седьмую сказали! — рявкнул в ответ папа. Он так долго готовился отвечать голосом Карабаса, что прорычал эти слова.

Ростислав Борисович от неожиданности резко отшатнулся, и ему даже пришлось поправлять съехавшие с носа солнечные очки.

— Прошу прощения, — извинился папа. — Издержки роли.

— У сто пятьдесят седьмой очень хороший спектакль был. Чего бы мне было и не сказать про это?

— Говорить директору школы, что другая школа лучше, это как говорить одной женщине, что другая лучше. Тем более если директор — женщина.

— Давайте, поучите меня еще.

— Прошу прощения, — сказал папа. — Издержки воспитания.

Оставшийся путь они прошли в молчании.

А в актовом зале жизнь была ключом.

Митрофан, надев на голову черный целлофановый пакет, ходил по сцене, расставив руки. От него во все стороны шарахались куклы и лягушки, врезаясь друг в друга, смеясь и визжа. Лягушки раскраснелись и уже мало чем отличались от румяных кукол. Тем более что из-за беготни с ободков на головах лягушек пооблетали последние уши.

Андрей Михно играл на пианино «Собачий вальс». За последние десять минут мелодия исполнялась Андреем в сорок восьмой раз, так что он уже почти не допускал ошибок. Однако насладиться его отточенным брэнчанием слушатели не могли. Всё за тем же фортепиано слева и справа от Андрея стояли Сережа и Миша. Изо всех сил ударяя по клавишам, каждый из братьев наяривал что-то свое.

Посреди сцены, уворачиваясь от Митрофана и отталкивая от себя кукол с лягушками, стоял Сашка Пилишвили в одном левом сапоге. «Где мой сапог?! Верните сапог, гады! — вопил он. — Это отцовский сапог! Папка вас убьет!»

Всю репетицию Сашку донимало что-то мелкое и колкое, катавшееся по дну правого сапога. Наконец, дождавшись перерыва, Сашка снял левую ботфорту и попробовал вытряхнуть досаждавшую его колючую мелочь. Но не тут-то было. Как он ни тряс сапог — из него ничего не появлялось. Сашка чувствовал, как в недрах сапога подпрыгивает, шебуршит и перекачивается неведомая ерундовина, но выманить ее наружу не мог. Устав от бесплодных усилий, он поднял сапог перед собой и заглянул в него, словно в подзорную трубу. Тут же у его лица промелькнула какая-то зеленая козявка и нырнула прямехонько в левое голенище. Сашка вздохнул, отставил правый сапог, снял левый и начал все сначала. Когда помеха (которая оказалась головой солдата) все-таки была извлечена, выяснилось, что правый сапог пропал.

И вот теперь Сашка надрывал глотку криками: «Где мой сапог! Верните сапог!» Сперва к его воплям присоединился верный товарищ Юра Кондаков, но потом от ора у него закружилась голова, и он убежал рыскать по сцене и зрительному залу в поисках исчезнувшего сапога.

Маша Сумкина с Кристиной Поповой, взявшись за руки, кружились под музыку, звучащую у них в наушниках. И естественно, подпевали. Маша пела песню «Чужие губы в твоём окне» дуэта «Фобос и Деймос», а Кристина — «Обними меня в лифте» того же коллектива. Не подпевать любимым песням, если ты в наушниках и у тебя прекрасное настроение, — выше человеческих сил. Но и слушать со стороны это пение — тоже выше человеческих сил.

Костик танцевал лезгинку. Ну, лезгинку в его понимании.

Две неустановленные лягушки строили копию пирамиды Хеопса из портфелей, рюкзаков, сумок и пакетов.

В общем, ничего особенного в актовом зале не происходило, но папа так давно не бывал на школьных переменах, что ему показалось, будто он попал зоопарк во время землетрясения.

Папа подошел к Семену Семеновичу, с довольной улыбкой снимавшему всю эту вакханалию на камеру, и дернул его за рукав.

— Отстань, я тебе говорю, — сказал Семен Семенович. — Не сейчас!

— Алё! — более внятно объявил о своем присутствии папа.

Семен Семенович оторвал глаз от видеоискателя камеры.

— А, это ты. И вы, — добавил Семен Семенович, увидев рядом с папой Ростислава Борисовича. — Я думал, это опять кот Базилио.

Пару минут назад Юра Кондаков подходил к Семену Семеновичу и настойчиво упрашивал отмотать назад видеозапись, чтобы проверить, не попал ли случайно в кадр злоумышленник, укравший Сашкин сапог.

— Что тут у тебя творится?!

— Не бойсь! Всё под контролем. Надо же дать детям расслабиться перед спектаклем. Хе-хе.

Папа забрался на сцену, сорвал с головы Митрофана пакет и замахал им, призывая к вниманию.

— Дети! Тише! Послушайте меня! Да тише же!

— Что он говорит?! — прокричала Маша, раскачиваясь в такт проигрыша песни «А ты красивая, как я».

— Ага! Классная группа! — так же громко ответила Кристина, у которой в наушниках теперь играла песня «Девчо-чо-чо-чо-ча-ча-чонки».

— А! — дошло до Маши. — Он, наверное, спрашивает, чей это пакет!

— О! А что это он говорит?! — заинтересовалась Кристина, заметив папу, который тряс пакетом.

Постепенно папины призывы к спокойствию все-таки возымели действие, и шум стал стихать.

— Ребята, познакомьтесь: это Ростислав Борисович. Он работает в программе «Мегашалуны» и специально пришел на вас посмотреть. Те, кто приготовил...

Пятый «Д» снова загалдел.

— Да потише же вы! Я не слышу, что говорю! — возмутился папа.

— Ничего! Если вы вдруг скажете что-нибудь важное, мы вам потом перескажем! — выкрикнул Костик и обернулся на Ростислава Борисовича, чтобы посмотреть, оценит ли тот его шутку.

Но Ростислав Борисович был выше этого. Он стоял с отрешенным видом человека, который оказался тут совершенно случайно и только по долгу службы. Будь его воля, читалось в позе Ростислава Борисовича, он был бы сейчас в другом месте, более подобающем статусу такой важной персоны.

— Итак, у кого есть что показать Ростиславу Борисовичу, соберитесь в одну кучку, — продолжал папа. — А остальные пусть соберутся в другую кучку и постараются соблюдать тишину. Вопросы есть?

— Да! Где мой сапог?! — естественно, это был Сашка.

— Не волнуйся. Найдем мы твой сапог. Он не мог далеко уйти один, — успокоил его папа.

— Вы помните, как он выглядел? — сказал Костик и сделал вид, будто достал из кармана воображаемую записную книжку и воображаемый карандаш и приготовился записывать показания.

— Как-как! Да точно так же, как вот эт... Ты издеваешься?

— Да, — признался Костик, пряча обратно в карман воображаемые письменные принадлежности следователя.

— Ростислав Борисович, поднимитесь к нам, пожалуйста.

— Спасибо, но, мне кажется, тут будет удобнее, — Ростислав Борисович бухнулся на кресло в первом ряду. — Можете уже присылать ваших детей. Я готов.

К папе подошел Денис.

— Можно я первый? Мне не надо готовиться. У меня сценарии...

— Удачи! — сказал папа.

Денис спустился в зрительный зал и трясущейся рукой протянул продюсеру несколько страничек.

— Это... Вот... Для вашей передачи... Может, пригодится... Я сам это придумал...

Ростислав Борисович нехотя снял очки и поднес листы поближе к лицу, освещение в зале было так себе.

Денис долго думал, какой из скетчей должен идти первым. Все-таки первое впечатление — самое важное. В конце концов он решил, что больше всего духу «Мегашалунов» соответствует сценка «Преступление и наказание». Как раз ее сейчас Ростислав Борисович и читал.

Сценарий Дениса Сухоблинского
ПРЕСТУПЛЕНИЕ И НАКАЗАНИЕ

Сцена 1

Главный герой (ему лет двенадцать и он в очках) идет из школы. Вдруг его останавливают три хулигана, которым лет по четырнадцать.

САМЫЙ БОЛЬШОЙ ХУЛИГАН: Стой! Ну-ка, выворачивай карманы!

ГЛАВНЫЙ ГЕРОЙ: У меня ничего нет!

САМЫЙ БОЛЬШОЙ ХУЛИГАН: А вот мы сейчас проверим!

Хулиганы нехорошо смеются.

ГЛАВНЫЙ ГЕРОЙ: Ой-ой-ой! Не бейте меня! Я вам все отдам!

И он достает из кармана пачку денег и отдает их хулиганам.

Сцена 2

У магазина стоят хулиганы. В руках у них много пачек сигарет.

САМЫЙ БОЛЬШОЙ ХУЛИГАН: Здоровско, что мы отняли у него столько денег! Пойдемте еще на них купим много вещей!

Тут вдруг к ним подъезжает полицейская машина. Из нее выскакивают полицейские и арестовывают хулиганов.

Сцена 3

Зал суда. На скамье подсудимых — хулиганы.

СУДЬЯ: Я приговариваю вас к 7 годам детской колонии строгого режима за распространение фальшивых денег.

Камера показывает грустные лица хулиганов.

САМЫЙ БОЛЬШОЙ ХУЛИГАН (рыдает): Мы не знали!

Сцена 4

Камера показывает смеющееся лицо главного героя.

ГЛАВНЫЙ ГЕРОЙ: Так им и надо! И так будет со всеми хулиганам в нашем районе. Ха-ха-ха-ха!

Камера показывает, что главный герой стоит у компьютера и распечатывает на цветном принтере новые купюры. Оказывается, деньги были ненастоящие!

(Тут, я думаю, можно договориться, чтобы какая-нибудь фирма дала свой принтер в качестве рекламы! Я уверен, они согласятся и дадут принтер бесплатно! Это будет так называемый проактплейсмент. — Примечание автора сценария Дениса Сухоблинского.)

Ростислав Борисович пролистнул оставшиеся страницы, задерживаясь на каждой не более секунды. Видимо, он читал одни лишь названия. Но ни «ЧП на ОБЖ», ни «Преступление и наказание-2», ни «Капкан для ябеды», ни «ЧП на пении», ни даже «По следам группы Дятлова» его не заинтересовали. Про группу Дятлова, правда, у Дениса был не скетч. Это было краткое описание сюжета будущего научно-фантастического блокбастера с трагическим финалом. Денис приложил его на всякий случай: мало ли, чем черт не шутит, а вдруг продюсеру так понравились бы сценки, что он бы спросил, а нет ли у Дениса какой-нибудь идеи для полнометражного фильма. Но продюсеру сценки явно не понравились.

— Я даже не знаю, с чего начать. Всё не так и не то. Ты только не обижайся, — поспешил добавить Ростислав Борисович. — Не обижайся. Но... Ты даже шрифт неправильный выбрал! Понимаешь? Сценаристы другим пользуются. Тебя как зовут?

— Ди-ди-ди-дима... Т-то есть Денис, — сказал Денис. Он сильно волновался.

— А, ну да, тут же у тебя написано: «Сценарий Дениса Сухоблинского». Знаешь, Денис, завязывай ты лучше с этим. Ну, с творчеством... Одним дано, другим — не дано. Без обид?

— Б-без обид.

— Молодец. Зови следующего.

Ростислав Борисович снова надел очки.

— А если я другой шрифт сделаю? — предпринял последнюю попытку Денис.

— Да я про шрифт так сказал, к примеру. У тебя тут аж четыре сцены. На такую маленькую историю! Если бы у тебя — еще раз без обид! — было чувство стиля, ты бы заметил, что в нашей передаче любой скетч снимается полностью от и до в одном месте. А у тебя четыре разные локации! Это ж в четыре раза больше денег на съемку надо было бы потратить. У нас тут не Голливуд. Ты скажешь, финансовая сторона не относится к творчеству. И что это сдерживает полет твоей мысли. А я тебе скажу: ты, братец мой, если уж назвался автором, все это тоже должен учитывать! Ладно, пацан, давай. На, не забудь свои бумаги.

Оглушенный Денис отошел. Перед Ростиславом Борисовичем предстал Митрофан.

— Здравствуйте. Я хочу показать пластический этюд «Капитан на корабле», — сказал он.

— Валяй, — разрешил Ростислав Борисович.

Митрофан отступил на шаг назад и вытянул руки по швам.

— Импровизация! — объявил он.

Он расставил ноги и, прищуриль глаз, стал осматривать горизонт через подзорную трубу. Митрофан успел исследовать только зюйд-вест. Когда же он собрался переводить окуляр трубы на норд-вест, Ростислав Борисович его остановил.

— Достаточно. Зови следующего.

Следующим был Костик.

— Пластический этюд «Поездка в лифте»! — сказал он, ухмыляясь. После чего замер, уставившись перед собой.

— А ты местный шутник, да? — спросил Ростислав Борисович, когда понял, что Костик еще долго будет изображать пассажира лифта.

— Йес, оф коз! — радостно согласился Костик.

— Ну-ну. Зови следующего.

— Ишь, как всех футболит, — заметил папа, который вместе с Семеном Семеновичем наблюдал со сцены за продюсером.

— Ага, — согласился Семен Семенович, — нехорошо...

Денис так ничего и не смог сказать внятного на расспросы одноклассников о том, как прошла его встреча с продюсером, поэтому все набросились на Митрофана.

— Ну чего?

— Да ничего! Я зачем-то сказал, что это импровизация. Ему это, наверно, не понравилось. Я же готовился, а не импровизировал! Но оно само как-то сказалось! И я даже не успел показать, как на корабле началась качка.

— Да чего он там вообще может видеть в своих очках! — попыталась успокоить Митрофана Кристина.

— А чего он, правда, сидит в темных очках? — удивилась Маша.

— Потому что он крутой, — объяснил Юра.

— У моего отца друг тоже на телевидении работает, но почему-то темные очки в помещении не носит, — сказала Соня.

— У нас один дядька во дворе тоже все время ходит в очках. Есть солнце, нет солнца — все время в очках, — поддержал разговор Миша. — И собаку еще все время таскает за собой. Спаниель у него.

— Дурак, он же слепой! — сказал Сережа.

— Сам ты дурак! Спаниель не слепой!

К собравшимся присоединился Костик.

— Ну что?

— Он мне пообещал, что перезвонит. Я произвел на него неизгладимое впечатление, — сообщил Костик.

— Врешь!

— Только наполовину. Я просто произвел на него неизгладимое впечатление.

— Да ну тебя!

— Ну я пошел! — и Миша побежал сменять Сашку, понуро хромавшего в одном сапоге от Ростислава Борисовича.

— А сколько я буду зарабатывать у вас за день съемок? — первым делом спросил Миша у Ростислава Борисовича.

— Сто долларов.

— Клааааасс, — выдохнул Миша.

— Ну? — поторопил Ростислав Борисович через некоторое время, поскольку Миша погрузился в сладкий подсчет, чего он сможет закупить себе на зарплату за сто съемочных дней.

Миша подготовил басню «Мартышка и очки», но сейчас, подумав, что продюсер может принять упоминание очков на свой счет, решил рассказать вместо нее «Слон и Моська». На второй строчке Миша вспомнил, что дальше четвертой строчки эту басню он так и не выучил. К счастью, Ростислав Борисович прервал его еще на третьей и велел позвать следующего.

— За день съемки там дают по сто долларов! — восхищенно поделился Миша, вернувшись к друзьям.

Все почтительно помолчали.

— Есть чего попить? А то что-то в горле пересохло, — раздался голос Ростислава Борисовича.

— Есть отличный белый квас! Эксклюзив! — отозвался Семен Семенович.

Это напомнило Мише, что ему нужно избавиться от отравленного кваса, который теперь был уже ни к чему.

Миша сбежал со сцены и бочком скрылся за шторой, где на подоконнике все еще стояла бутылка.

Когда он снова вынырнул в зал, то уткнулся прямо в грудь Ростислава Борисовича, вставшего, чтобы размяться.

— О! Спасибо! — продюсер выхватил из рук Миши бутылку и вернулся на место, где его уже ждала Кристина.

— Можно начинать? — спросила она.

Ростислав Борисович кивнул.

Миша подошел к продюсеру и встал перед Кристиной.

— Отойди! Я буду петь! — Кристина попыталась отпихнуть Мишу.

Миша не сдвинулся с места.

— Чего тебе? — уставился на Мишу Ростислав Борисович.

— Я вам басню рассказывал...

— Я помню.

Кристина снова попыталась отодвинуть Мишу. Он вывернулся и остался стоять. Миша и сам не понимал, что собирается предпринять.

— А помните, у вас в передаче тоже мальчик один читал басню? — набрел Миша на, как ему в ту секунду показалось, подходящую тему.

— Что-то припоминаю.

— Он был еще в таком прикольном костюме! И басню классно читал!

— Да. И ты тоже... в прикольном костюме.

Миша потерял свой бант. Что делать дальше — он не знал. Кристина обошла Мишу и встала напротив Ростислава Борисовича.

— Песня! — решительно сказала она.

Миша зачарованно следил, как продюсер отвинтил пробку и поднес горлышко к губам.

— Вот, пожалте! — Семен Семенович спускался со сцены, прижимая к груди еще одну бутылку. — Белый квас! Уникальная вещь! Э... — он остановился, заметив такую же бутылку. — Вы уже? Откуда?

— Да, да, спасибо. А ты пой, пой.

Кристина закрыла глаза и заголосила:

— Девчо-чо-чо-чо-чоночка, девчо-чо-чо-чо-чонка...

У Ростислава Борисовича зазвонил телефон.

Поставив бутылку на пол, продюсер поднял указательный палец, призывая Кристину к тишине. Однако глаза Кристины были закрыты, и песня продолжала литься.

— У аппарата! — ответил в трубку Ростислав Борисович, заткнув пальцем неиспользуемое ухо. — Что?! Подожди!

Он встал с кресла и отошел от Кристины.

Воспользовавшись ситуацией, Миша схватил бутылку с квасом и отскочил назад, налетев на Кристину. Кристина открыла глаза, не переставая петь, отыскала отошедшего Ростислава Борисовича и направилась к нему. Заметив в руках Миши бутылку, Кристина попыталась мимоходом вырвать ее, все еще продолжая петь.

— Кто там у вас сапог потерял?! — раздался внезапно радостный голос Костика, и вслед за этим из-за декораций вылетел болотный сапог.

Пронесаясь над головами стоящих на сцене ребят, сапог выпорхнул в зал и впечатался в затылок Ростислава Борисовича. Продюсер пошатнулся и рухнул на пол без чувств, как человек, получивший по затылку увесистым болотным сапогом.

Кристина бросила бороться с Мишей и кинулась к Ростиславу Борисовичу. Она осознала, что все еще поет, только когда опустила перед ним на колени.

Из взрослых первым к продюсеру подбежал Семен Семенович.

— Вы как? — спросил он.

— В глазах темно, — ответил Ростислав Борисович, медленно моргая.

Митрофан участливо протянул Ростиславу Борисовичу слетевшие с его лица темные очки.

— Ты же слышал, ему и так темно, — отстранил его руку Семен Семенович. — Не усугубляй.

Семен Семенович обернулся, что-то ища.

— Ага! Молодец! — и он вырвал из рук Миши бутылку с квасом.

Миша вскрикнул, но было уже поздно.

— Пейте, пейте! Вам станет лучше, — приговаривал Семен Семенович, вливая в вырывающегося продюсера квас.

Ростислава Борисовича усадили в кресло. Бормоча что-то о «живительной силе» кваса, Семен Семенович вложил ему в руки бутылку.

— Что ж, не будем вам мешать, — сказал Семен Семенович, пятясь от продюсера и увлекая за собой ребят.

Ростислав Борисович безучастно смотрел на кончик своего носа.

— Ну? И чьих это рук дело? — пытаюсь казаться строгим, спросил папа, когда все собрались на сцене. — Кто крикнул что-то про сапог?

— Мне показалось, что это был голос Костика, — сказала Маша.

— И мне!

— И мне!

— И мне! — подтвердил Костик.

На этом следствие зашло бы в тупик, но тут Костик неожиданно просиял.

— Я понял! — воскликнул он. — Учтывая, что в нашем классе не так много талантливых актеров, способных в точности подделать мой голос, получается, что сапог кинул... я! В общем, так оно и было. Я свидетель.

— Дома мы с тобой это обсудим... — зловеще пообещал Семен Семенович сыну.

— Ну зачем же, — запротестовал папа.

— Костя! — папа оглянулся на застывшего в прострации Ростислава Борисовича и понизил голос. — Думаю, я, гм, так сказать, выражу мнение всех присутствующих... Короче, спасибо!

И он пожал Костику руку.

— Одно другому не мешает, — проворчал Семен Семенович, хотя и был горд за сына.

— А сапог тоже ты спер? — уточнил Сашка.

Костик виновато пожал плечами:

— Увидеть одиноко стоящий сапог одноклассника и не стащить его... Зачем тогда вообще приходить в школу?!

Мальчишки класса и оба папы кивнули: с этим было невозможно спорить.

— Можно, я ему допою? — спросила Кристина. — Мне еще два куплета осталось.

— Не самая лучшая идея, — сказал папа. — Ему сейчас нужен покой.

— А я тихо буду петь, — пообещала Кристина.

Папа покачал головой.

— А я ему вообще не успела ничего показать! — вздохнула Маша.

— Не переживайте, девочки. Ему и раньше-то не было особого смысла петь. Ладно, не будем ему мешать. Пусть посидит, придет в себя. А вы давайте пока роли повторяйте. Через двадцать минут спектакль. Вольно! Можете разойтись!

Костик подошел к Соне:

— Насчет нашего Буратины и Мальвины.

— Ну?

— Есть одна идея. Ты должна привести Инну через пять минут к раздевалке старшекласников.

— Как? И зачем?

— Узнаешь. А как — ну не знаю. Придумай что-нибудь, — и не дав Соне времени на размышления, Костик отошел.

Денис сидел за левой кулисой, тупо уставившись в первую страницу своих скетчей.

— Денис! — сказал Костик. — Ты ведь не сильно занят?

— А что? — насторожился Денис.

— Помоги мне одну штуковину из раздевалки принести.

— Какую штуковину?

— Я там, кажется, видел полено. Ну или что-то похожее на полено.

— Пусть Митрофан с тобой сходит, он же у нас Карло.

— Он слова учит, говорит, не могу ничего запомнить. Не у всех же, говорит, такая память, как у Дениса.

— А ты что, один не дотащишь? Зачем нам такое тяжелое полено? — не поддался на лесть Денис.

— А полено это у старшекласников в раздевалке. А она закрытая. Я через прутья полезу. А ты на шухере постоишь, чтоб я на охранника не нарвался.

— Ну хорошо.

— Гля, что у меня есть, — сказал Костик, когда они уже спускались по лестнице. Он достал из кармана наручники из набора полицейского.

— Подумаешь.

— Хочешь примерить?

— Конечно.

Костик защелкнул браслеты на запястьях Дениса.

— Ну как?

— Удобно.

— Ага!

Когда они подошли к раздевалке, наручники все еще были на Денисе.

— Давай, снимай, — сказал он.

— Подожди.

Костик пошел вдоль решетки раздевалки старшекласников, высматривая несуществующее полено.

— Ну чего?

— Сейчас, сейчас. Где же я его видел?..

— Ты залезь туда и посмотри.

Костик еще немного потянул время, но Соня с Инной не спешили показываться на горизонте.

— Ну лезь уже, — сказал нетерпеливый Денис.

— Да лезу я, лезу. Иди сюда. Стой здесь и смотри, не появится ли охранник. Если появится, свисти.

— Я не умею. Я лучше скажу ему: «Здрасьте». Ты и услышишь.

— Логично!

— Ну давай, лезь.

— Все, удачи мне. Полез.

— Ты все еще не лезешь, — сказал через некоторое время Денис.

— Я заметил. Сейчас.

Костик поплевал на руки, вытер их о штаны и взялся за решетку.

— Ну, я полез.

— Чё-то не вижу.

Костик задрал ногу на перекрестье прутьев, подтянулся и повис в метре над полом.

Из-за угла вышла Инна.

Костик спрыгнул.

— Ну ты чего? — не понял Денис.

— Вон Инна.

Инна подошла поближе.

— О, а вы тут что делаете?

— Да так, — сказал Костик.

Денис молча смотрел на Инну.

— Я вспомнил! — сказал Костик Денису. — Я не тут полено видел!

— Блин! — возмутился Денис.

— А вы бабушку мою не видели? Мне Соня сказала, меня тут бабушка ждет. Денис, а почему ты в наручниках?

— Кстати! Давай сниму. Инн, помоги мне. Подержи вот тут.

Костик достал ключ, освободил правую руку Дениса, после чего быстро закинул цепочку наручника через решетку и защелкнул браслет на левой руке Инны.

Инна такого явно не ожидала, а Денис был так зачарован близостью Инны, что не сопротивлялся.

— Ты дурак вообще? — Инна попытался вырвать руку.

— Да! Вообще! — поддержал Денис.

Костик отскочил от скованной парочки и полюбовался на свою работу.

— Дурак! Сейчас моя бабушка сюда придет! Открой!

— Извините! Надо бежать! У меня спектакль! — сказал Костик и скрылся за углом.

— Теперь они точно подружатся. После такого они не могут не подружиться! Да наша бы директриса подружилась с директрисой из 157-й, если бы я их смог сковать! — закончил рассказ о своем подвиге Костик.

— А зачем ты принес в школу наручники? — спросила Соня.

— Они давно у меня в рюкзаке валялись. Знаешь, как разные важные шишки пристегивают себе к руке чемоданы с ценными документами?

— Видела в кино.

— Ну вот, а я хотел пристегнуть свой рюкзак и ходить так по школе.

— Зачем?

— Ну смешно же!

— А ты подумал, как они выберутся?

— Ой, да от этих наручников даже Денис сможет избавиться. На них плюнешь, они развалятся!

Дверь в актовый зал открылась и вошла учительница. Позади нее галдели первоклассники.

— Вы уже начинаете? — спросила учительница.

— 5 —

Папа выглянул из-за кулисы. Почти все места были уже заняты. На первых двух рядах сидели первоклассники, за ними второклассники и так далее. Последние ряды занимали пятые классы. За ними на стульях расположились гости из РОНО вместе с Анной Степановной. Родители артистов стояли у стеночек, держа наготове камеры и телефоны. Школа — единственное место, где перед показом спектакля у вас не просят спрятать камеры и выключить телефоны.

Папа поискал глазами Ростислава Борисовича. Тот так и остался в том же кресле, в которое его усадил Семен Семенович. Второклассник, сидевший рядом с продюсером, отодвинулся от дяди подальше, насколько позволяли размеры кресла.

Ростислав Борисович был бледен, как снеговик, страдающий малокровием. На лице продюсера застыло выражение, какое бывает только у манекенов, ошарашенных неожиданным печальным известием. Периодически он подносил бутылку кваса к губам и делал небольшой глоток.

«Еще полтора часа, и я буду дома», — подумал папа. И, вспомнив, что там его ждет манго, даже немного повеселел.

За папину куртку кто-то потянул. Папа обернулся. Перед ним стояли Миша с Сережей и Митрофан Белов, прижимающий к груди полено-огнетушитель.

— Мы готовы, — сказал Митрофан.

— Сейчас будем начинать. Митрофан! Как услышишь вступительную мелодию, выходи! Где Костик? Он кассету на начало перемотал?

— Пойду проверю! — вызвался Миша и ускакал к магнитофону. Сережа бросился следом за братом.

— Митрофан, ни пуха ни пера! — пожелал удачи папа.

Митрофан пожал плечами.

— Я говорю, ни пуха ни пера. Что нужно сказать в ответ?

— Спасибо?

— К черту!

Митрофан обиделся.

— Да? Вот так, значит?! Сами тогда играйте свой спектакль!

— Ты чего? А! — дошло до папы. — Ты что, не в курсе? Когда актеру говорят: «Ни пуха ни пера», он должен ответить: «К черту!» Понял? Ни пуха ни пера!

— Э... К черту?

— Молодец, схватываешь на лету.

— К черту! То есть — спасибо.

— Всё. Иди, жди сигнала.

Костика рядом с магнитофоном не оказалось. Миша с Сережей достали кассету и внимательно ее изучили. Вроде бы она была не перемотана. Знакомство с устройством магнитофона у братьев было довольно поверхностным. Они видели на репетициях, как им управляется Виктор Геннадьевич, но сами его ни разу не трогали.

— Пусть Костик перематывает, — сказал Сережа.

— А то я без Костика не смогу! — возмутился Миша.

— Ты уже сломал дома роутер!

— Сравнил! Тем более я его не сломал, а разобрал!

— Но он перестал после этого работать.

— Не факт! — опроверг факт Миша. — Ты еще скажи, если бы его разобрал Костик, он бы работал.

— При чем тут Костик?

— Вот именно! У меня и без Костика все получится!

Миша вставил кассету вверх тормашками, попытался закрыть крышку, вытащил кассету, вставил как надо, щелкнул крышкой и гордо посмотрел на брата.

— Делов-то! — сказал он.

— Так, теперь сюда, — и Миша ткнул пальцем в кнопку воспроизведения.

Колонки актового зала взвизгнули гитарным грохотом, и над рядами зазвучал страшный голос, завывавший:

— Ужас и моральный террор!

Ужас и моральный террор!

Ужас и моральный террор!

Ужас и моральный террор!

Школьники с первого по третий класс запрыгали на месте и зааплодировали. С четвертого по пятый — засмеялись. Учителя, как по команде, обернулись на Анну Степановну, которая поднялась со стула и смотрела то на сцену, но на людей из РОНО. Но особенно оживились отцы актеров. Они уже не жалели, что пришли на спектакль.

Неразбериха продолжалась не более десяти секунд, пока подлетевший на всех парах к магнитофону папа не вырубил кассету.

— Уфф, — выдохнул папа.

— Мы случайно, — сказал Миша.

— Он случайно, — сказал Сережа.

— Ничего, это еще нормально, — махнул рукой папа. — Могла попасться и другая песня.

Папа вытащил кассету, перевернул и включил перемотку. Когда кассета домоталась, папа совершенно машинально нажал на пуск. Видимо, сработала мышечная память, полученная в молодости. Заиграла вступительная увертюра. Папа увидел, как Митрофан обогнул декорацию и вышел к зрителям.

— Ну начали так начали, — сказал папа. Он огляделся: — Ну и где этот Костик?

Этот Костик и Соня сидели на полу в пяти метрах от папы под прикрытием пианино. Соня распекала Костика.

— Видишь, что ты натворил?

— Еще есть время!

— Ты издеваешься? Еще и меня втянул!

— Ну откуда я мог знать, что Денис настолько... Денис!

— Надо всё остановить, пока не поздно.

Но было уже поздно. Музыкальное вступление закончилось, и они услышали бодрый голос Митрофана:

— Какое хорошее полено! А вырежу-ка я из тебя куклу...

Первые пять минут Инна и Денис посвятили обсуждению, какой Костик все-таки придурок. Удивительно, как легко вести непринужденный разговор с девочкой, которая тебе нравится, когда у вас есть какой-нибудь общий знакомый придурок!

Затем они перемыли косточки продюсеру. Денис в лицах изобразил свои скетчи. Инна смеялась. И Денис был рад, что его творения не понравились телевизионщику. Оказалось, разговаривать с Инной совсем не страшно.

— И что мы будем делать? — спросила Инна.

— В смысле?

— Ну у нас же через несколько минут спектакль!

— А! Точно!

И они оба рассмеялись.

На самом деле Денис совсем расслабился еще и потому, что почти сразу нашел выход из передраги. Прут решетки, к которому их приковал Костик, не был приварен к нижней железке. Стоило им опустить руки к самому полу, и они бы вырвались на свободу. Поэтому Денис закрыл носком ноги место, где решетка прилегала неплотно.

— А я тебе вчера звонил по скайпу. Хотел наши сцены порепетировать, — сказал Денис.

— Да? И что, не дозвонился?

— Дозвонился! Я на бабушку твою попал и что-то сдрейфил, — Денис засмеялся.

— Из-за этой бабушки со мной никто не дружит. Но я ее, конечно, все равно люблю! — добавила Инна.

— А можно я тебе сегодня после школы позвоню?

— Давай! А как ты узнал мой номер в скайпе?

— Ну, так... Случайно увидел в журнале у Вити. Там же про всех у него записано.

— Увидел и случайно запомнил? Ну ты даешь! У меня же там цифры на конце, я их сама не могу запомнить.

— Ну я случайно их и не запоминал. Я их случайно записал.

— Спасибо. Приятно, — Инна улыбнулась. — А стихи ты тоже пишешь?

— Иногда.

— Класс! А дашь почитать?

— Ага!

— Придурок Костик так, наверно, и не придет... О! У меня есть заколка! Ты можешь открыть ею наручники?

— Не знаю.

Но уже через минуту он знал, что не может. Инна приуныла. Денис понял, что пришло время действовать.

— Мне кажется, тут штырь слабый. Мы его сейчас выьем! — и он с размаху стукнул кроссовком по пруту. — Ну вот! Я же говорил.

— Какой ты сильный, — сказала Инна.

Есть ли более прекрасные слова, которые мужчина может услышать от женщины? Ну в общем-то есть, но Денису пока было достаточно этих.

Денис с Инной побежали в актовый зал. Через два шага они взялись за руки. Просто так было удобнее бежать.

— Научу куклу говорить смешные слова, петь и танцевать, — во второй раз произнес Митрофан, стругая полено, и опять не дождался ответного писка Буратино.

Митрофан снова провел по обернутому обоями огнетушителю обломком линейки.

— Научу куклу говорить, петь и танцевать. И... И плавать еще научу, — сымпровизировал Митрофан. — И... И... И в спортивную секцию на карате отдам.

Полено не отзывалось.

Митрофан так энергично заработал линейкой, что с огнетушителя слетела бумага и обнажился его красный бок. Митрофан ловко поймал в воздухе оторвавшийся кусок обоев. Но этой секундной потери хватки оказалось достаточно, чтобы огнетушитель скатился с колен и бухнулся о сцену.

Огнетушитель залихватски свистнул, кашлянул белым облаком и затих. Митрофан потрогал бывшее полено носком. Огнетушитель икнул. Митрофан убрал ногу. В зале раздались смешки. Тут огнетушитель выстрелил пенной струей и к восторгу зрителей заметался по сцене, прыскавая во все стороны.

Пенная феерия была краткой, но впечатляющей. Когда огнетушитель успокоился и перестал подавать признаки жизни, центральная часть сцены была покрыта островками стремительно тающих белых хлопьев. В самой большой из луж по щиколотку в пене, словно только что родившаяся богиня Афродита, стоял поседевший Митрофан. Он потряс головой, и седая прядь, оказавшаяся куском пены, сползла с волос на плечо.

К Митрофану выскочил папа.

— Ты как? — спросил он, на всякий случай пересчитывая количество рук, ног и глаз Митрофана.

— Нормально, — сказал Митрофан.

Папа повернулся к зрителям.

— Если на сцене лежит огнетушитель, то в конце он должен сработать, — неловко пошутил он. И закончил еще более неловко: — Хорошо, что у нас на сцене не было ружья. Все хорошо. Мы продолжаем!

Он успокаивающее похлопал Митрофана по плечу и скрылся за декорациями.

За суматохой никто не обратил внимание на вбежавших в актовый зал Дениса и Инну. Ребята поднялись по лесенке за кулису и смешались с возбужденными актерами. Сильно смешаться, правда, им не удалось. Наручники не позволяли далеко отойти друг от друга.

— Почему не пищал, когда надо было?! — накинулся на Дениса папа.

— Да я...

— Ладно, верю, что были смягчающие обстоятельства! Иди пищи! Нос не забудь! — папа подтолкнул Дениса, даже не обратив внимания, что вслед за ним к декорациям двинулась и Инна.

Работая всеми четырьмя руками, Денис с Инной судорожно принялись прикреплять картонный нос.

Митрофан подобрал влажный огнетушитель, уложил на колени и начал немного извиняющимся тоном:

— Короче, как я уже говорил, научу куклу говорить, петь и танце...

— Хи-хи-хи! — наконец заговорило полено. — Ха-ха-ха!

Пьеса бойко покатилась дальше, но через несколько реплик ее ход застопорился.

После слов «Назову-ка я тебя Буратино» Митрофан ловко зафантилюил ставший ненужным огнетушитель в специально предназначенную для этого щель в нижней части декорации. Здесь деревянному человечку полагалось выскочить на сцену и начать куролесить по каморке папы Карло. И вот с этим возникли некоторые сложности.

Митрофан уже приготовился бегать за Денисом, делая вид, будто никак не может его поймать, но Буратино лишь наполовину высунулся из-за края декорации и выходить почему-то не спешил.

— Разве ты не хочешь... э... поднять тут все вверх дном? — попробовал расшевелить Буратино папа Карло.

— Хочу! Еще как хочу! — заверил его Буратино, но не сдвинулся с места.

В этот момент, скрытые декорацией, папа и Костик боролись с наручниками.

— Сейчас, сейчас! — шептал Костик, пытаясь попасть ключом в замочек. — Готово! — сказал Костик и сломал ключ.

— Может, ты хочешь опрокинуть мой табурет? — прозрачно намекнул сыну папа Карло.

— Конечно, папа Карло! — сказал Буратино и попытался достать ногой до стула.

Хотя при этом Денис почти полностью выбрался из-за декорации, между ногой и стулом зияла дистанция в добрых полтора метра.

Видя такое дело, сердобольный папа Карло пододвинул стул поближе. Буратино изловчился и поддал его ногой. Стул зашатался, но остался стоять. Папа Карло пододвинул стул еще ближе. И тут уж Буратино не оплошал.

Какое-то время Буратино и папа Карло смотрели на поверженный стул. Первым вышел из оцепенения Митрофан.

— Ах ты маленький негодник! — закричал он, бросаясь на Буратино. И это позволило обоим актерам с честью убежать со сцены.

— Быстро! Давайте ваши руки, — папа взялся за наручники и попытался разорвать соединяющую их цепь. — Из детского набора, говоришь?

— Ага! — кивнул Костик.

— Видимо, чтобы нейтрализовать очень непослушных детей, — пропыхтел папа.

Бросив возиться с цепью, папа взялся за браслеты. Наручники скрипели, но не сдавались.

— Подождите! Когда вы вот так делали, моей руке легче стало! — сказала Инна.

— Как? Так?

— Ага! Еще надавите!

Папа надавил. Инна скорчила гримаску, ойкнула и выдернула руку из браслета.

— Денис! Всё! Беги на сцену! Засунь наручник под рукав, чтоб не болтался!

— Кри-кри-кри! — поприветствовал сверчок вышедшего к зрителям Буратино.

Денис присел на корточки и повел разговор с невидимой букашкой.

Папа облегченно вздохнул, но тотчас же схватился за голову.

Соня, выполнявшая обязанности сверчка, обернулась на застонавшего папу.

— Тяни время! — скомандовал он ей. — Мы так и не прорезали в холсте дырку для носа!

Легко сказать «тяни время»! Если у тебя всего несколько куцых реплик, твой партнер по сцене даже не знает, что вы с ним должны тянуть время, а действовать нужно не медля, ты вряд ли придумаешь какое-нибудь остроумное решение проблемы. Но всё, что могла, Соня сделала.

И вместо привычных по репетициям слов «Слушай папу Карло, Буратино! Не убегай из дома!» Денис вдруг услышал от сверчка:

— Кри-кри-кри, Буратино! Кри-кри-кри-кри! Слушай папу Карло, Буратино! Кри-кри-кри-кри! Кри-кри! Не убегай, кри-кри-кри-кри, из дома! Кри-кри-кри! Кри-кри! Кри-кри-кри!

— Ах ты, букашка-таракашка! — воскликнул Денис. — Да я завтра же убегу из дома!

Папа меж тем пытался пробиться к картонке с рисунком очага с обратной стороны декорации. Выхватив у стоявшего рядом Митрофана обломок линейки, папа почти наугад тыкал им в щели между планок.

Сцена стремительно приближалась к развязке, и следующую реплику Соня полностью сказала на языке сверчков:

— Кри-кри-кри-кри! Кррррииии! Кри-криииии! Кррррррииии! Кри-кри-кри! Крррриии!

Из-за папиных стараний декорация шаталась, и зрителям казалось, что это неистовствует обиженный Буратино сверчок.

— Убирайся отсюда, жалкая букашка! — прокричал Денис.

Первоклассники, напуганные разбушевавшимся сверчком, благодарно заплодировали.

Папа отбросил линейку. Всё было тщетно.

— Предупреди его, — сказал он Соне.

— Мне жаль тебя, Буратино! Прольешь ты горькие слезы! — выдала Соня последнюю положенную по сценарию реплику и зашептала: — Денис! Денис!

Но Денис ее не слышал, поскольку в соответствии с пьесой был занят поиском еды в каморке папы Карло.

— Как же хочется есть! — комментировал он свои действия, чтобы они были понятны публике. — Найти бы хоть корочку хлеба!

— Денис! Денис! — всё громче и громче звала Соня.

— Быть может, здесь есть что-нибудь вкусенькое! — воскликнул Денис и, прицелившись, точно попал носом в специальную отметку на рисунке очага.

Когда Денис повернулся к залу, зрители увидели, что теперь его нос свисает ниже подбородка напоподобие хобота.

— Попробуй порвать очаг руками, — донесся из-за декорации папин голос.

— Там точно есть что-то вкусное! — быстро сориентировался Денис и начал скрести картон.

Картон был на удивление прочен. К тому же сегодня утром мама Дениса сама подстригла ему ногти, чтобы он выглядел на сцене опрятно и ей не пришлось за него краснеть.

— Ну что? — тихонько спросил папа.

— Не получается, — сквозь зубы прошипел Денис.

— Сейчас что-нибудь придумаем.

Через секунду из-за декорации вылетел обломок линейки и шлепнулся на сцену.

— Кри-кри-кри! — раздался голос сверчка. — Ой-ой-ой! Я куда-то уронил свой ножик!

Денис подобрал линейку.

— Сейчас я до тебя доберусь, букашка-таракашка! — пригрозил Буратино и принялся царапать неподдающийся картон.

— Кри-кри-кри! — подбодрил деревянного человечка сверчок, который, похоже, ничуть не боялся куклу, вооруженную ножом.

Папа закрыл лицо руками.

— Да здесь какая-то дверца! — радостно сообщил зрителям Буратино, разодрав нарисованный очаг.

И тут, слава богу, на сцене появился папа Карло.

— А что случилось с твоей курткой? — спросил отца Буратино.

«А что случилось с твоим носом?» — едва не ответил Митрофан, но вместо этого сказал:

— Я продал ее, чтобы купить тебе азбуку!

— Ты принес мне что-нибудь поесть?

— Да, вот! — Митрофан протянул Денису манго. — Только не ешь его, оно еще будет нужно в таверне, — прошептал он.

Денис взял манго. При этом у него из рукава выпал и закачался браслет от наручников. Денис торопливо запахнул его обратно и, придерживая падающий на губы нос, стал «есть» фрукт.

Яблоко, которое в этой сцене должен был грызть вместо луковицы Буратино, задумавшись, съел Юра Кондаков. «Оно было несладкое и червивое», — оправдывался он, давя на жалость. И Соне пришлось пожертвовать припасенным для Костика манго.

Все это как-то прошло мимо папы, и теперь он, выглядывая из-за кулисы, думал, что ему уже повсюду мерещатся манго.

Папа облизнулся и посмотрел в зал. Чем дальше от сцены располагался ряд, тем жизнерадостнее были зрители. Первоклассники и второклассники почтительно следили за спектаклем, третьеклассники лыбились, четвертые и пятые классы хихикали и переглядывались. Лишь последний ряд с директрисой и людьми из РОНО был озадаченно серьезен. Дальше, у стены, едва удерживая телефоны и камеры в трясущихся от смеха руках, искренне веселились родители.

В ряду второклассников возникло шевеление. Это поднялся с места Ростислав Борисович.

Последние пять минут в животе продюсера шла война. И, кажется, побеждали плохие. Периодически Ростислав Борисович вздрагивал и вибрировал всем телом, словно телефон, получивший эсэмэску. Эти неприятные ощущения сопровождались звуками изнутри, похожими на клекот в трубах центрального отопления, когда по ним осенью пускают горячую воду.

Ростислав Борисович понял, что, если он сейчас не добежит до туалета, случится нечто ужасное. Он встал с кресла и тут же осознал, что пробежать не удастся. Передвигаться получалось только

осторожными шагами. От резких движений в желудке вспыхивали волнения и разгорались беспорядки. Очень осторожно Ростислав Борисович двинулся вперед на негнущихся ногах, словно человек, который забыл, как пользоваться коленями.

Когда он поравнялся с Анной Степановной, они встретились глазами.

— Вы уже уходите? Вам настолько не понравилось? — спросила она. — Я сама не понимаю, что с ними сегодня!

Ростислав Борисович ничего не ответил и медленно прошел мимо, как задумавшийся о чем-то своем призрак.

Его целью был туалет для учителей, о существовании которого он помнил еще с дней учебы.

Сережа подпрыгнул на месте. Его пронзила мысль, что, тренируясь открывать и закрывать замок радиорубки, он в итоге так и оставил дверь незапертой. И теперь туда мог зайти кто угодно и спереть или сломать что-нибудь. Со времени своего краткого визита в радиорубку из всей ценной аппаратуры Сережа запомнил только микрофон, в который он зачитывал фамилии учеников, бегавших на перемене по коридору, и молоток, который по неизвестной причине лежал на стуле и мешал Сереже сидеть. Но наверняка там были и другие важные вещи.

Тихонько, по стеночке, Сережа соскользнул со сцены.

Ростислав Борисович влачился по коридору. Наконец на далеком горизонте появилась дверь с табличкой «Для служебного пользования». Оставалось пройти бесконечные пять метров.

Четыре метра.

На верхней губе продюсера выступил пот.

Три метра.

Перед глазами расплывались круги.

Два метра.

В ушах шумело.

Все еще два метра.

Метр.

Ростислав Борисович сделал последний шаг и уткнулся лбом в дверь. Дверь отворилась. Ростислав Борисович ввалился внутрь, припал к стене и перевел дух.

Свет, падавший из коридора, позволил рассмотреть комнатку, совершенно не похожую на туалет. Шкаф, два стула, стол с микрофоном... Дверь, скрипнув, закрылась.

Стало темно. Лишь по краям замазанного краской стекла сочился сиявший за окном день.

Живот дернуло. Ростислав Борисович на ощупь добрался до ближайшего стула и упал на него, угодив прямо на молоток.

Сейчас, сейчас, он только посидит немного и соберется с силами для следующего рывка.

К двери кто-то подбежал. Ростислав Борисович услышал, как щелкнул замок.

— Нет... — чуть слышно всхлипнул Ростислав Борисович. — Я же тут...

Но Сережа уже несясь обратно в актовый зал.

Спектакль тем временем, похоже, вошел в более-менее ровную колею. Последние пять минут папа хватался за голову всего три раза.

Первый раз — когда выяснилось, что Юра Кондаков каким-то образом умудрился съесть и одну из двух оставшихся шоколадных медалек. («Такой был горький шоколад, еле проглотил», — сказал он, считая, что этим снимает с себя часть вины.) Поэтому в итоге «Азбука» была продана за четыре сольдо одной монеткой.

При обмене денег на товар у Буратино снова выпал из рукава наручник. Тут папа схватился за голову второй раз.

Третий раз этот жест был вызван тем, что Костик, говоривший на репетиции положенным Пьеро жалобным голосом, начал к восторгу зрителей смешно шепелявить и не выговаривать букву Р. («Фефяс мы лязыглаем комефию подь насфанием «Фефочка с голюбими фофосами, или Тлитцать тли повзасыльника».)

В принципе папа бы и дальше мог развивать мышцы, отвечающие за хватание головы, благо начавшийся после концерта Пьеро танец кукол к этому располагал. Из шести кукол пять решили помахать со сцены родителям. Шестая кукла, родители которой не смогли прийти, подумала, что это забытый ею элемент танца, и тоже на всякий случай помахала в зал. Но папе было не до того. Карабасу пришлось время выходить на сцену.

— Дурррацкая деревяшка! — прорычал папа, выпрыгнув из-за декорации и щелкнув кнутом так, что сбил с себя шляпу. — Ты помешал моей замечательной комедии! Ага, спасибочки.

«Спасибочки» вырвалось машинально и потому было сказано не по-карабасовски дружелюбно одной из кукол, которая подняла шляпу и протянула ее папе.

Сунув плетку за пояс, папа взвалил на плечи Буратино и потащил к крюку.

По причине того, что на репетиции папа не пробовал сам подвешивать Дениса, теперь с этим возникла заминка. Зрители терпеливо дожидались, пока Карабас поставил Буратино на пол и стал что-то разыскивать на спине деревянного мальчика, тихонько совещаясь с ним.

Разобравшись, что к чему, папа снова поднял Дениса и подвесил его, моля, чтобы хитрое приспособление выдержало.

Крюк и подпруга выдержали, не выдержала папина спина. Папа охнул и согнулся пополам от резкой боли. Распрявиться было невозможно.

Папа почти на четвереньках отполз от висящего Дениса и попытался встать. Не получилось.

Но актер не имеет права подводить свою труппу. Превозмогая пытку, папа стал расхаживать по сцене перед Буратино. Хотя «расхаживать» — слишком лестное слово для описания движений человека, передвигающегося в позе вопросительного знака на полусогнутых ногах.

— Сейчас, ой, я брошу тебя, ой, в огонь, чтобы было на чем под-ой-жарить мясо! — запугивал Буратино инвалид Карабас.

При каждом шаркающем шаге кулон, выпавший из-за пазухи папы, раскачивался.

Если бы Анна Степановна носила очки, она бы сняла их, протерла и снова надела. За неимением очков Анна Степановна просто помассировала глаза. Сомнений быть не могло — это был её кулон с аметистом. Но почему он вдруг оказался у Виктора Геннадьевича? Конечно, он себя довольно странно вел на собрании, но украсть кулон... Нет, в это Анна Степановна поверить не могла. Все-таки, наверное, ей показалось.

Папа прервал свое мучительное волочение по сцене и решил продолжать разговор с Буратино сидя.

Сцена должна была закончиться тем, что Карабас снимал Буратино с крюка, вручал ему пять золотых монет и отпускал восвояси.

— Мои верные куклы, — экспромтом нашел папа выход из положения, — а ну-ка бегите все сюда! Помогите мне снять с крюка Буратино!

Сначала на сцену вышли только две самые расторопные куклы, но, когда и до остальных дошло, что происходит, в Дениса вцепилось сразу десять рук. Миша, которому как одному из Артемонов еще не полагалось появляться, тоже суетился здесь же, выкрикивая распоряжения. В результате совместных усилий Буратино был благополучно спущен вниз. Нос, правда, снова оказался сбит.

— И дайте ему пять золотых! — крикнул папа вдогонку, когда куклы всей гурьбой уводили Буратино за декорацию.

Оставшись в одиночестве, папа какое-то время сидел, пока не опомнился, после чего медленно заковылял за остальными под доброжелательный смех зрителей. По пути со сцены папа наступил на кончик своей бороды и сорвал ее.

Хотя папа быстро намотал слетевшую тесемочку на ухо, Анна Степановна успела разглядеть того, кто скрывался под бородой Карабаса. И всё сразу стало на свои места. Это был не Виктор Геннадьевич, а сумасшедший пожиратель глазированных сырков, пишущий абракадабру в чужих компьютерах.

«Дети так безобразно играют сегодня, потому что боятся находиться на одной сцене с этим помешанным. А Виктор Геннадьевич, может быть, лежит где-нибудь связанный», — зароились тревожные мысли в голове у Анны Степановны. Нужно было что-то немедля предпринять.

Скрывшись с глаз публики, папа вытянулся на полу.

Над папой склонилась Соня.

— Ты как?

— Отлично провожу время, как видишь. Выживу, не переживай. Сейчас только отлежусь немного. Слава богу, таблетки при мне.

— Ну я побежала!

— Давай! Не подведи хоть ты!

Судя по тому, что папа слышал, лежа за декорацией, на сцене все шло как надо.

К папе подошла Инна.

— Виктора Геннадьевича должны были сделать директором. Но после всего этого... — она вздохнула. — Вы не представляете, каково это — быть внучкой директрисы.

— Прости.

— Да вы ни при чем. Это мы.

— Ничего, дальше все пойдет хорошо. Вот увидишь. Мы проиграли битву, ну ладно, несколько битв, но не войну! Главное же — финал.

Инна вдруг повеселела. Папа решил, что так благотворно на нее подействовал его мудрый афоризм, но на самом деле она просто услышала голос Дениса. В классе у нее появился настоящий друг!

Анна Степановна сидела как на иголках.

«Вызвать милицию? Нет. Зачем школе лишний скандал? Да еще при таком стечении родителей. Не говоря уж о представителях РОНО. Нет. Можно обойтись и своими силами. У нас же есть охрана. Вот пусть она хотя бы раз и пригодится».

Анна Степановна встала. Улыбнулась РОНОшникам, — мол, неожиданные спешные дела — и торопливо вышла из актового зала.

Папа без воды проглотил две обезболивающие таблетки. Судя по тому, что ему хотелось спать, они уже начинали действовать.

Папа блаженствовал. Все шло, как и должно было идти с самого начала. Актеры были на месте. Огнетушители не взрывались. Лишь изредка в зале раздавалось веселое улюлюканье, когда у Буратино в очередной раз выпадали из рукава наручники.

Даже когда папа запоздало вспомнил, что он снова должен подвешивать Буратино, рывнулся было на сцену и тут же, охнув, плюхнулся обратно на спину, ребята обошлись без него.

Папа с гордостью услышал, как после небольшой заминки Соня находчиво предложила Буратино встать на пенек (судя по скрипу, его роль сыграл стул), чтобы им, разбойникам, было легче повесить пленника на сук. То, что сук существовал отдельно от дерева, которое папа так и не вытащил на сцену, а просто висел в воздухе, видимо, никого из зрителей особенно не удивило.

А вскоре донесся и неповторимый лай братьев Ерохиных.

— Гау-гуа-гау! Ууу!

«Это Сережа», — определил папа.

— Гав! Кав! Рав! Ба-ду-дух!

«А это Миша», — улыбнулся папа.

— Ку-ку! Ку-ку! Ку-ку!

«А это мой телефон», — не сразу, но дошло до папы.

Услышав шаги Анны Степановны, охранник быстро прикрыл миску с недоеденной котлетой сборником sudoku, поверх сборника sudoku положил детектив, замаскировал его газетой со сканвордом, которую, в свою очередь, спрятал под журнал посещений. Правда, на столе еще оставался кубик Рубика, но его не было видно под доской с миниатюрными шахматами с начатой задачей на мат в четыре хода. К шахматам директриса относилась спокойно.

— Михаил! Нужна ваша помощь!

— Опять? Да у вас же вроде еще не должна была вода в кулере закончиться.

— У нас серьезная проблема, Михаил!

— Закончилась?!

— Да не в воде дело! Дайте мне сказать! — повысила голос Анна Степановна.

— Да. Слушаю.

— Мне нужно, чтобы вы помогли справиться с одним родителем.

— Пьяный?

— Может, и пьяный! Я уже и не знаю. Но ведет себя явно ненормально. Он сейчас на сцене. Изображает Карабаса Барабаса.

— Так он опасный? — прозондировал почву охранник.

— Не очень, — преуменьшила угрозу Анна Степановна, поскольку не была уверена, что охранник готов ко всей правде. — И ростом меньше вас.

— Сильно меньше?

— На голову.

— Гм... А то, может, того, на тревожную кнопку нажать?

Тревожная кнопка для Михаила была тревожной главным образом потому, что он тревожился — вот случится чего, а она возьмет и не сработает!

— Михаил! Вы справитесь.

— Говорил я вам, купите мне электрошокер!

— Не положено школьному охраннику иметь электрошокер!

— Конечно, а у меня из оружия только журнал посещений! Что я могу с ним сделать? Нарисовать в нем обидную карикатуру? Была бы хоть дубинка!

— Михаил! Там полно взрослых.

— А вдруг это его дружки?

— Михаил!

— Ну мало ли!

— Михаил!

Охранник нехотя покинул пост и обреченно поплелся за Анной Степановной.

Папа еще раз перечитал полученную эсэмэску: «Вы живы? Скоро буду!»

Номер был неизвестным, и папа боялся поверить своему счастью.

«Виктор Геннадьевич?» — наколотил папа дрожащим пальцем, от волнения не попадая в нужные буквы.

Телефон прокуковал, и папа увидел новое сообщение: «Почти».

Если бы не спина, вероятно, папа пустился бы в пляс.

Не прошло и трех минут, как перед папой появился запыхавшийся и растрепанный Виктор Геннадьевич.

Папа немедля стал срывать с себя костюм Карабаса, будто одежда была объята пламенем. Ничего не спрашивая, Виктор Геннадьевич начал переодеваться к выходу.

— Как вам удалось? Я думал, вы упали с крыши!

— Я-то нет, а вот телефон грохнулся. Только недавно заработал. Сосед мимо проезжал на мотоцикле, я ему рукой замахал, вот телефон и выпал. А он как раз в город ехал. В общем, повезло.

— А уж как мне повезло! — ликовал папа, стаскивая с себя осточертевшие женские сапоги. — Я уж думал, придется помирать на сцене. Спину сорвал!

— Извините, что втравил.

— Пустяки! — великодушно сказал папа. Теперь он был готов любить весь мир.

— А у нас огнетушитель взорвался! — обрадовал Виктора Геннадьевича подбежавший Митрофан.

Вокруг двух Карабасов собрался весь околачивавшийся за сценой без дела пятый «Д» и, избегая излишних подробностей, сжато ввел своего классного руководителя в курс дела.

— А Денис выступает в наручниках!

— И у него нос сломан!

— А Митя в Турцию умотал!

— А Юра почти весь реквизит съел!

— А Костик продюсера чуть сапогом не убил!

— Зрителям нравится!

— Ого. Ну что ж... Это главное, — улыбнулся Виктор Геннадьевич.

— И это... Виктор Геннадьевич, я забыл дерево вытащить на сцену, — виновато сказал папа.

— Ай-яй-яй.

— У нас тут уже много чего было сегодня. Так что, я думаю, вы, когда с Дуремаром пойдете на сцену, просто захватите дерево с собой. Зрители, мне кажется, уже ничему не удивятся.

— Прямо вот так?

— Угу. Доверьтесь профессионалу. Я этим уже с утра занимаюсь, — и папа с чувством выполненного долга снова откинулся на спину.

С таблетками в животе и без груза ответственности на плечах папа совсем разомлел и не заметил, как заснул. Обнаружив посапывающего папу, Соня накрыла ему голову своей лисьей безрукавкой.

Папа спал тревожно. Ему снилось, что ворона ограбила банк и оставила на сейфе его отпечатки пальцев.

— 6 —

Пятый «Д» раскланивался под аплодисменты зала.

Анна Степановна дала знак охраннику приготовиться. Всю вторую половину пьесы Михаил стоял у сцены и прокручивал в голове возможные варианты исхода его схватки с психом, игравшим Карабаса. Последний раз Михаил утихомиривал буяна, когда в прошлом году ему пришлось разнимать драку третьеклассников. Карабас был на вид куда сильнее третьеклассника. А значит, и его укус мог быть куда больнее.

И почему Анна Степановна выбрала его, а не второго охранника, дежурившего у другого входа в школу? Можно подумать, у Михаила без этого мало стресса на работе!

Когда Анна Степановна кивнула, Михаил напрягся. Однако тут к сцене подбежали родители и начали фотографировать своих чад.

Остальные зрители потянулись к выходу. Анна Степановна, извинившись, попросила РОНОшников подождать у нее в кабинете и присоединилась к Михаилу.

— Силу применять в крайнем случае, — предупредила директриса.

— В смысле — он нужен нам живым? — отчего-то вырвалось у Михаила.

— Не драматизируйте!

— Да, не драматизируйте! Но я тоже нужен мне живым!

— Я больше беспокоюсь не о вас, а о Викторе Геннадьевиче. Он куда-то пропал.

— Вот для таких случаев у школьных охранников и должно быть оружие.

— Ну, ну. Ваши мышцы — ваше оружие.

Слова директрисы польстили, но не успокоили.

— Ладно. Какой у нас план? — спросил Михаил.

— Сначала избавимся от родителей. А там уже по обстоятельствам. Господи! Чем же он запугал детей? Или он им что-то наврал? Почему они сейчас не кидаются к родителям и не просят их увести от этого чудовища?

Директриса поднялась на сцену. Михаил печально вздохнул и пошел за ней.

Никто из актеров не обратил внимания на Анну Степановну. Пятый «Д» был занят позированием перед родительскими камерами. Анна Степановна заглянула за декорацию и вздрогнула. На полу лежало тело. Голова его была накрыта какой-то рыжей тряпкой.

«Бедный Виктор Геннадьевич», — подумала директриса. Она обернулась и глазами показала Михаилу, чтобы он тоже заглянул за декорацию.

Увидев тело, охранник перекрестился.

Тело шевельнуло ногой.

— Жив, — с облегчением сказала Анна Степановна.

— А вдруг это судороги? — прошептал Михаил.

— Успокойтесь...

Директриса решительно вышла в центр сцены.

— Уважаемые родители! — сказала она. — Спасибо, что пришли на наш спектакль. Забирайте своих детей и идите в класс. Там вас ждет продолжение праздника. А вы... ммм... Виктор Геннадьевич, останьтесь тут на минутку. Одно маленькое дело.

Карабас кивнул и занялся осмотром дерева, которое сегодня подвело и едва не погребло его под собой. По задумке, Буратино должен был стоять на стремянке, высунувшись по пояс из-за декорации, нависая над веткой дерева, словно сидел на ней. А само дерево придерживал специально обученный этому делу Рома Пехов, сидевший за ним на корточках. Для этого с обратной стороны к доске были прикручены две дверные ручки, за которые и следовало держать ствол.

Обе ручки выпали в самый неподходящий момент, когда Виктор Геннадьевич только-только собирался наматывать на ствол бороду. Дерево упало, явив зрителям прятавшегося за ним Рому. Виктору Геннадьевичу пришлось сделать вид, что так все и задумывалось, и упасть рядом, словно Карабаса стукнуло рухнувшим стволом.

Исход родителей все не кончался и не кончался. Особенно раздражал Михаила чей-то лысый папа, неторопливо разбиравший свою камеру с треногой прямо перед сценой. А когда он наконец закончил возиться с аппаратурой, то уселся и стал чего-то ждать. Тем не менее других взрослых свидетелей в зале уже не было.

Михаил посмотрел на Анну Степановну, которая с застывшей улыбкой стояла на том же месте. Вокруг все еще мельтешили несколько детей, похоже, не собиравшихся никуда уходить.

Виктор Геннадьевич поднял дерево, чтобы прислонить его к декорации. «Еще послужит», — решил он.

Увидев, что Карабас повернулся к нему спиной и обе его руки заняты, Михаил не смог больше переносить нервного напряжения и бросился в атаку.

— Сзади! — крикнул Семен Семенович, из-за чего обернулись и Виктор Геннадьевич, и Михаил.

Оставшись без поддержки, дерево шлепнуло Михаила по голове, и оба они грохнулись на сцену.

Анна Степановна, пропустившая молниеносную череду событий за своей спиной, сделала совершенно не те выводы.

Она перевела взгляд с Виктора Геннадьевича на поверженного Михаила и крикнула:

— Дети! Бегите!

Соня, Костик, Инна, Денис и братья Ерохины недоуменно переглянулись.

Виктор Геннадьевич же кинулся к охраннику, чтобы помочь ему встать. Тот в ужасе начал отползать.

Анна Степановна обернулась к Семену Семеновичу:

— Помогите его задержать!

— Да чего его задерживать? Его уже дерево задержало. Хе-хе, — сказал Семен Семенович, но все-таки поднялся с места.

Охранник дополз до края сцены и с испугом смотрел на приближающегося Виктора Геннадьевича.

— Стойте! Уймитесь! — Анна Степановна смело шагнула навстречу Виктору Геннадьевичу.

Он остановился.

— Анна Степановна! Я же не специально!

Директрисе показалось, что Карабас сказал это голосом Виктора Геннадьевича. Потом ей показалось это снова.

— Он сам бросился под дерево! — продолжал оправдываться Карабас.

Из-за декорации выглянул папа.

— Здрасьте, — тихонько кивнул он Анне Степановне.

Анна Степановна крепко зажмурилась, но, когда открыла глаза, папа не исчез. Зато у Карабаса исчезла борода. Без нее он еще больше стал походить на Виктора Геннадьевича.

— Мне надо присесть, — сказала Анна Степановна.

Инна подтащила бабушке стул.

— Хотите попробовать белого кваса? — спросил у директрисы Семен Семенович, когда она уселась. — Очень освежает.

Анна Степановна сжала виски пальцами.

— Кто-нибудь мне объяснит, что происходит? Карабаса же играл... вон тот... — она кивнула на папу.

Папа смущенно поклонился и ойкнул. Спина еще не совсем отошла.

— Видите ли, Анна Степановна, из-за обстоятельств непреодолимой силы я не смог вовремя... В общем, я застрял на даче, и нашему Алексею Леонидовичу пришлось за меня отдуваться половину спектакля.

— Видимо, я ваше появление пропустила, когда выходила...

— В общем, спасибо Алексею Леонидовичу. Он всех нас спас! Спектакль состоялся только благодаря ему!

— Много чего состоялось благодаря ему... — сказала Анна Степановна. — Вот уж не думала, что буду рада выйти на пенсию.

— Ну что вы! Вам еще рано! — заверил директрису Виктор Геннадьевич.

— Нет, нет. Все решено.

— Баб! Значит, теперь у нас Виктор Геннадьевич будет директором! — проговорила Инна.

— Почему? — удивился Виктор Геннадьевич.

— Почему? — удивилась Анна Степановна.

— Ну ты же говорила, что на твое место нужно кого-то молодого. И сказала, что в день спектакля все решится. Разве ты не хотела убедиться, что раз со спектаклем Виктор Геннадьевич справится, то и со школой сможет?

— Виктор Геннадьевич и раньше справлялся со спектаклями. Зачем бы мне такую проверку ему устраивать? И сегодня, к слову, спектакль не сказать, что прошел на пять.

— Но ты все равно уходишь на пенсию?

— Да, Инночка, да.

Инна обрадовалась, но сказала:

— Жаль...

— Ничего. Тетя Женя будет хорошим директором.

— Тетя Женя?

— Да, Инна, твоя родная тетя Женя. Евгения Павловна, — пояснила Виктору Геннадьевичу директриса. — Вы, кажется, ее знаете.

— Да, — кивнул Виктор Геннадьевич, — самый адекватный человек во всем РОНО.

На словах «адекватный человек» Анна Степановна глянула на папу.

— И все-таки, — сказала она, — мне ваш выбор, Виктор Геннадьевич, кажется странным.

— Да не прикасался я к вашему компьютеру! И сырок я не ел! — всплеснул руками папа.

— А кто тогда?! Только не говорите, что это была во...

— ...рона! Ворона! Вороооооо! Ааааа!

Этот истошный крик принадлежал вбежавшему в актовЫй зал завхозу. Он быстро произвел рекогносцировку местности и шмыгнул за штору. Через миг в распахнутую дверь влетела ворона. Она пронеслась над рядами и уселась на самый верх декорации.

Завхоз выглянул из-за шторы. Поняв, что ему удалось провести птицу, он выскочил из укрытия и выбежал из зала, захлопнув за собой дверь.

— Ну допустим, — прервала общее молчание Анна Степановна. — Но я же видела у вас мой кулон.

— Я нашел его в гнезде. Собирался передать Виктору Геннадьевичу, — папа полез за пазуху и вытащил кулон. — Вот.

— Жаль, я камеру выключил, — сказал Семен Семенович. — Самое интересное у вас оказалось в конце.

На празднике в классе папа скромно сидел в углу и отказывался от угощений.

— Пап, хочешь манго? — спросила Соня.

— Не, не, ешьте сами. У нас и так дома есть манго... Приду да съем.

— Пап, но...

— Хотя, знаешь, давай! Мне кажется, я сегодня заслужил съесть за день два манго!

ЭПИЛОГ

Ближе к вечеру, когда школа почти опустела, продюсер понял, что его желудок одержал победу. Ростислав Борисович был все еще бледно-зеленым, как незрелый банан, но клочкотание в животе прекратилось.

Продюсер поднялся со стула, к которому был прикован все это время, и сделал неуверенный шаг. Желудок не шевельнулся. Наконец можно было с честью встретить спасателей.

Как Ростислав Борисович ни барабанил в дверь, к нему никто не пришел, но зато через смартфон он смог найти в Интернете сайт двести четвертой школы. Спустя пятнадцать минут и несколько телефонных разговоров, во время которых он чувствовал себя невероятно глупо, продюсеру пообещали выслать помощь.

Дверь Ростиславу Борисовичу открыл бородатый старик в замызганной спецовке.

— О! И правда — человек! — сказал он. — А то мне говорят, иди, Степаныч, выпусти человека из радиорубки. А я думаю — да не может быть.

— Спасибо! — искренне поблагодарил Ростислав Борисович.

— А вы тут что? Радио чинили, что ли?

Старикан стоял в проходе и не давал продюсеру выйти из опостылевшей комнатухи и навсегда покинуть эту ужасную школу.

— Длинная история, — сказал Ростислав Борисович.

— А. Понятно. Разбираетесь, значит, в радио, да?

— Я в основном по части телевидения.

— В технике разбираетесь, значит.

— Ну вроде того, — сказал продюсер, у которого не осталось сил что-то объяснять.

— У меня тогда к вам вопрос. Как к специалисту. А с дискофоном вам дело иметь приходилось?

ПОСТСКРИПТУМ

За три дня до каникул на стенде возле кабинета литературы появился свежий номер «Веселой колючки». Выпуск состоял всего из одной небольшой статьи, обрамленной фотографиями с недавнего спектакля.

Триумф пятого «Д»

Двенадцать миллионов просмотров за неделю! Именно столько просмотров собрал ролик с записью спектакля «Золотой ключик»! Этот спектакль, напомним нашим постоянным читателям, был поставлен силами учеников 5-го «Д» класса.

В Интернет ролик выложил С.С. Сёмушкин, папа Костика Сёмушкина из 5-го «Д».

«Чем я объясняю феноменальный успех ролика? Я просто выкинул все удачно сыгранные сцены и оставил те, в которых что-то пошло не так, — рассказал нашему корреспонденту С.С. Сёмушкин в телефонном интервью. — Конечно, первая половина спектакля вошла в ролик почти целиком, а из второй лишь фрагменты. Но и это были очень смешные фрагменты. Одни только наручники выпадали из рукава Буратино не меньше пятнадцати раз. И с каждым разом это становилось все смешнее и смешнее. (Роль Буратино исполнял ученик 5-го «Д» Денис Сухоблинский — прим. редакции.) Порадовал и Пьеро, который в начале шепелявил, а в конце вдруг заговорил с эстонским акцентом. Ну и, само собой, упавшее в конце спектакля дерево спасло финал».

Но это еще не все крутые новости! Благодаря популярности ролика пятый «Д» в полном составе приглашен на запись новой детской передачи «Чехарда с утра»! Это такая передача вроде «Ералаша» или «Мегашалунов», но только смешная. И в этой передаче покажут весь пятый «Д» класс! По мнению наших аналитиков, это очень хорошо.

Прогнозировать, что будет дальше, пока еще сложно. Однако с уверенностью можно сказать: сегодня пятый «Д» взорвал Интернет, а завтра взорвет весь мир!

Вадим Инин, театровед с мировым именем.

Ниже статьи фломастером было подписано: «Все, кто хочет получить уникальные рингтоны с записью лая братьев Ерохиных, пишите на [mishaerohin2003@yandex.ru!](mailto:mishaerohin2003@yandex.ru)»